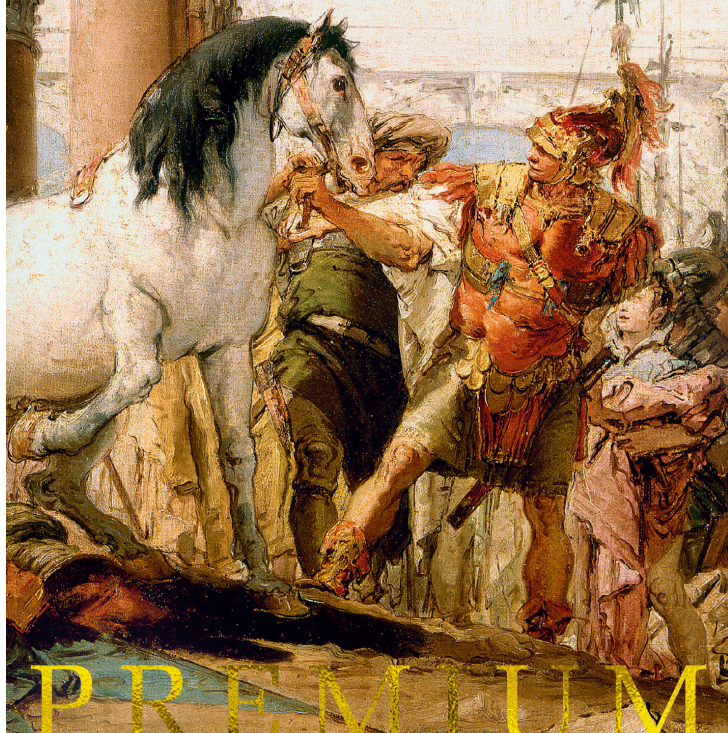

Морис Дрюон

Александр
Македонский,
или
Роман о боге

Морис Дрюон
Александр Македонский,
или Роман о боге
Серия «Азбука Premium»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161136

*Морис Дрюон Александр Македонский, или Роман о боге: Эксмо;
ISBN 978-5-389-16235-8*

Аннотация

Мориса Дрюона читающая публика знает прежде всего по саге «Проклятые короли», открывшей мрачные тайны Средневековья, и трилогии «Конец людей», рассказывающей о закулисе европейского общества первых десятилетий XX века, о закате династии финансистов и промышленников.

Александр Великий, проживший тридцать три года, некоторыми священниками по обе стороны Средиземного моря считался сыном Зевса-Амона. Египтяне увенчали его короной фараона, а вавилоняне – царской тиарой. Евреи видели в нем одного из владык мира, предвестника мессии. Некоторые народы Индии воплотили его черты в образе Будды. Древние христиане причислили Александра к сонму святых. Ислам отвел ему место в пантеоне своих героев под именем Искандер. Современники Александра постоянно задавались вопросом: «Человек он или

бог?» Морис Дрюон в своем романе попытался воссоздать образ ближайшего советника завоевателя, восстановить ход мыслей фаворита и написал мемуары, которые могли бы принадлежать перу великого правителя.

Содержание

Предисловие	8
Часть первая	21
I	21
II	23
III	33
IV	35
V	40
VI	45
VII	56
VIII	59
IX	68
X	72
XI	78
XII	80
XIII	88
XIV	90
XV	101
XVI	102
XVII	110
XVIII	112
XIX	125
XX	128
Часть вторая	144

I	144
II	146
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Морис Дрюон Александр Македонский, или Роман о боге

Maurice Druon

ALEXANDRE LE GRAND

Copyright © 1958 by Maurice Druon

Азбука
PREMIUM

Серия «Азбука Premium»

© А. В. Коротеев, перевод, примечания, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

...Мы (незаконнорожденные) не существуем и ничего не имеем. Все дети, рожденные в законе, могут наслаждаться жизнью на земле бесплатно.
Жан-Поль Сартр. Дьявол и Господь Бог

...Не путайте мифы с божественными биографиями, а богов с их образами.
Андре Мальро. Метаморфозы богов

Предисловие

Эта мысль осенила меня при чтении Плутарха. Две первые работы из его цикла «Сравнительные жизнеописания», посвященные Тесею и Ромулу, являются биографиями незаконнорожденных.

«Между Тесеем и Ромулом, – пишет Плутарх, – много общего, происхождение обоих темно, поэтому они считаются потомками богов.

Вместе с тем они физическую силу соединяли с умом. Один из них основал Рим, другой создал Афины, знаменитейшие города в мире; оба похищали женщин; ни один не избег несчастья в собственном доме и ненависти родственников; кроме того, оба они рассорились, говорят, перед смертью со своими согражданами, если только правдой в их жизни считать то, что всего менее носит на себе поэтическую окраску»¹.

В этом описании наглядно показаны отличительные черты незаконнорожденных. Одинаковые природные черты характера или похожие превратности судьбы можно обнаружить почти у всех великих незаконнорожденных Истории, и особенно у великих внебрачных сынов древности.

Утверждение о своем сверхъестественном происхожде-

¹ *Плутарх. Сравнительные жизнеописания – Тесей и Ромул. Перевод В. Алексеева.*

нии, пророческие способности, мессианское призвание, необычайная физическая выносливость, гибкий ум, бунт против среды, в которой родился, разногласия с близкими, неуравновешенность характера, убийственные вспышки гнева, внезапные исчезновения, желание покорять одновременно страны и женщин и господствовать над ними, создание городов, империй и учений, удивительное свойство становиться невыносимым для своих соплеменников, трагический, часто преждевременный конец или окончание жизни в одиночестве и скорби – вот основные черты, более или менее ярко проявившиеся в зависимости от конкретных личностей и эпох, которые с завидным постоянством отмечаются у этих необыкновенных людей.

Моисея часто считали внебрачным ребенком, и это больше чем предположение. Он, скорее всего, был египтянином (по этому поводу у Фрейда есть своя версия) и, по-видимому, происходил из фараонов, по крайней мере по матери, то есть был божественных кровей. Его рождение окружено глубокой тайной и легендами. Рассказывают, что он был отдан матерью водам Нила, но был спасен и усыновлен или просто взят на воспитание жрицей, дочерью фараона. Довольно краткий и неясный рассказ о нем в Библии имеет некоторое сходство с текстом, написанным на пятнадцать столетий раньше, в котором говорится о царе Саргоне, основателе древней династии в Вавилонии. «Я – могучий Саргон, властелин Аккада. Мать моя была весталкой, отца я не помню...

Мать забеременела мной в городе Азупирани на берегах Евфрата. Она тайно произвела меня на свет, положила в корзину из тростника, отверстия в которой залепила смолой, и пустила корзину по течению, но я не утонул. Течением реки меня принесло к водочерпию Акки. Водочерпий Акки по своей доброте спас меня из вод и воспитал как собственного сына...»

В те времена для избавления жрицы от плода греховной связи младенца, существование которого, по предсказанию оракулов, таило в себе угрозу для царской власти, чаще всего отправляли по воле волн или оставляли на холме и препоручали ребенка охране богов. Видимо, так и случилось с Моисеем. Его мать оказалась более находчивой, чем мать Саргона, а может быть, ей помогли организовать одновременно сцену избавления от ребенка и его «обнаружения» в тростнике. Найденное дитя, согласно Библии, было отдано кормилице-еврейке, и таким образом ребенок нашел приют в кварталах бедноты. Зачем нужно было потом принцессе царского рода, облеченной полномочиями жрицы, брать себе маленького, никому не известного еврейского мальчика, воспитывать его как собственного сына, обучать религиозным наукам, жаловать почестями и высокими должностями, если это был не ее родной сын или ребенок женщины из ее семьи?

Всякое другое предположение выглядит невыносимым, если взглянуть на эллинистический Египет и представить себе социальные условия существования в этой стране евреев,

священный характер царской семьи и строгие рамки ритуала, которому подчинялась вся жизнь во дворце.

Посвященный в таинства храма, достигший высот иерархии, Моисей поддержал ересь, примкнув к расколу, поссорился со своей царской родней, совершил убийство, скрылся в пустыне, где услышал откровение Всевышнего о том, что его ожидает, после чего повел за собой угнетенный народ, вскормивший его в младенческие годы, и основал самую строгую и в то же время самую стойкую из великих религий.

Александр Македонский метеором пронесся над планетой. Он, эллинизовавший Древний мир от Инда до Атлантики, тоже был незаконнорожденным ребенком знатных родителей. Александр узнал тайну своего происхождения от матери, которая была жрицей царского рода. Когда он повзрослел, история его рождения стала предметом многочисленных оскорблений со стороны врагов и недругов. Наконец Александр сам с великой гордостью провозгласил свое божественное происхождение, после того как оракул в Ливийской пустыне подтвердил особое предназначение его жизни. Пророчески предсказанная судьба уготовила ему роль освободителя Египта и восстановителя культа Амона.

Тайной окружено также рождение Иисуса Христа. Несмотря на всю осторожность в этом вопросе Священного Писания, оно дает такой недвусмысленный ответ: «Рождение Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочetaлись они, оказалось,

что Она имеет во чреве от Духа Святого.

Иосиф же, муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее» (Мф. 1: 18–19).

Выражение, которое использует в своем описании Плутарх, удивительно подходит к Иисусу. Он действительно появился на свет не как плод законного брака и с ранней поры стал известен своим божественным происхождением (по утверждению своей матери, как Ромул и как Александр). Впрочем, он появился не в какой-нибудь темной или бедной среде, как склонны считать некоторые люди.

Его родственники по материнской линии принадлежали к высокому сословию священнослужителей. Отец Марии был богатым землевладельцем, его дядя, или кузен, руководил одной из первых церковных магистратур, а сама Мария принадлежала к числу дев, освященных в храме. Уже в возрасте двенадцати лет Иисус поражает своих учителей силой логики и необычайно ранней посвященностью в таинства обрядов. Жизнь, которую он ведет в период проповедничества – воздержание в пище, бодрствование, длительные странствования, – говорит о нечеловеческой выносливости. Его склонность к неистовству находит выход в отношении торговцев в храме и в потоке проклятий в адрес Иерусалима. Бунтарь по натуре, он выдает себя за реформатора закона Моисеева и вносит смятение в синагоги. Он не чувствует никакой привязанности к близким ему людям и как будто даже испытывает постоянное раздражение ко всему, что составляет семейные

связи. «Кто Матерь Моя, и кто братья Мои?» (Мф. 12: 48). «Он сказал им: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий жизни вечной». (Лк. 18: 29–30). «Я пришел разделить человека с отцом его, или дочь с матерью ее». (Мф. 10: 35).

Он стал основателем града, великого града без стен, сотни миллионов жителей которого, разбросанные по всему миру, следуют одной вере. Хотя ему не довелось очаровывать женщин, его духовное обольщение, как никакое другое, покоряло их души. Вместо сверхчеловеческой храбрости Тесея или Александра, которая считалась признаком их божественного родства, вместо дара колдуна, которым обладал Моисей, этот назаретянин поражал всех чудодейственными исцелениями и способностями чудотворца. На крест его отправила ненависть сограждан.

Итак, у каждой из пяти цивилизаций Средиземноморья, от которых мы произошли, творения и история которых составляют основу нашей культуры, законы которых все еще управляют нашими институтами, а догмы по-прежнему являются главными положениями наших культов, был свой, хорошо известный основоположник. У каждого из них, у всех пяти, рождение окутано мистической тайной.

Согласно хронологии, Иисус Христос является последним из детей божественного происхождения. После него

христианское понимание космоса отделяет божественное от земного, человеческого. Бог окончательно уходит в выси небес. Если он и присутствует повсюду, то скорее в качестве созерцателя и судьи. Воля его абстрактна. Он утратил ту меру участия, с которой относился в дохристианскую эпоху к жизни людей. Редкие случаи его непосредственного вмешательства проявляются только в событиях, которые выглядят противоречащими установленному в природе порядку: необъяснимое исцеление, рана, появившаяся таким же необъяснимым образом, видения – все это считается чудом. Однако не допускается возможность участия божества в сотворении плода незаконного союза, рождение больше не отмечено чудом, то есть отрицается идея божественного предназначения.

Наоборот, церковь с недоверием относится к незаконнорожденным и за редким исключением не дает им доступа к сану священника, подтверждая таким образом их особо низкий социальный статус, который определен гражданской юрисдикцией. Дети внебрачные, незаконнорожденные, плоды супружеской измены вызывают до сих пор беспокоящее чувство позора и подозрительное любопытство. Дети запретной любви, они одновременно внушают страх перед грехом и искушением. Еще немного, и по отношению к ним мир вернулся бы к дохристианскому, но превратному истолкованию их происхождения – они считались бы порождением дьявола. Тайна их рождения возбуждает воображение и услуж-

ливо передается язвительным шепотом из уст в уста. Из-за своего неопределенного положения в обществе они становятся довольно известными, народ метко именует их «дети бога любви». Амур – прекрасное божество, оплодотворяющая сила которого всегда желанна и всегда вызывает опасения. В ней воссоединяются радостные страсти Зевса, соблазнительность Афродиты, стрелы Эроса, опьянение Диониса, грубость Марса, сверкающий луч, выпущенный Амоном-Ра.

Почему с давних пор, со времени появления организованных обществ, независимо от их моральных или религиозных основ, существуют два статуса: один для законнорожденных, другой для незаконнорожденных?

Показательна в этом отношении юридическая терминология. Чтобы быть узаконенным, внебрачный ребенок должен быть признан. Не принят в семью, не выбран, не найден после потери, не избран, а именно признан кем-либо из родителей; до этого он не мог быть отождествлен с другими детьми рода человеческого.

Неудивительно поэтому, что люди, лишенные достойного места в обществе и ничего не видящие, кроме благотворительности сострадательных сограждан (которые, говоря словами Сартра, не существуют и ничего не имеют), испытывают непреодолимое желание установить новый порядок. Неудивительно, что они намеренно не подчиняются законам своего города, легко сходятся со всеми, кто волею судьбы оказался вне закона. Неудивительно, что они, как Ро-

мул, уходят куда-нибудь с целью основать новый город, увлекая за собой мошенников, воров, рабов и обездоленных; до конца дней не могут простить грехопадение своих матерей, которые произвели их на свет и обрекли на вечный позор. Они ненавидят весь женский род и хотят обольщать цариц, низводя последних до положения шлюх. Им в высшей степени противны судьи, губернаторы, магистраты, управляющие, прелаты. Они обходятся без ходатайства священнослужителей и напрямую спрашивают у Бога, не возложена ли на них какая-нибудь миссия, остерегаясь богохульствовать, даже если ответ Создателя их не удовлетворяет.

Из тысячелетия в тысячелетие они задают постоянно один и тот же вопрос: являются ли они порождением случайной страсти или же их появление на свет предопределено свыше? Нет им ответа на этот вопрос, лишь только молва людей, оценивающих их деяния. В древности подвигам незаконно-рожденных нет числа, они всегда были в рядах воинов, завоевателей и кондотьеров. Бунт, инакомыслие, предательство, нетерпимость всегда присущи этим людям. Они распахивают новь, потрясают мир, прокладывают новые пути лучше, чем управляют завоеванными государствами; не удовлетворяясь достигнутым, всегда стремятся к риску и подвигу. В некоторые периоды истории рождение таких людей кажется необходимым и желанным. В полумраке храмов мудрецы пытались узнать судьбу, уготовленную внебрачным детям, иногда еще до их появления на свет.

Среди судеб великих внебрачных сынов древности судьба Александра Македонского кажется самой поразительной. Он принадлежит истории, а не легенде. Слава его подвигов непререкаема в веках. Яркая жизнь Александра, хотя и хранит еще некоторые тайны, в целом хорошо нам известна. Его деяния, на первый взгляд противоречащие общепринятым нормам человеческой морали, способствовали созданию новой цивилизации. Заключаящаяся в нем огромная энергия духа, сдавленная узкими рамками человеческих измерений, рвалась наружу.

Спустя двадцать три столетия память о нем по-прежнему удивительно жива. Его следы не занесло песком. Из двадцати четырех основанных им городов, носящих его имя, многие стоят, как и прежде. В ряде случаев установленные им границы и по сей день служат государственными рубежами.

Александр Великий, проживший тридцать три года, некоторыми священниками, сведущими людьми и властителями оракулов по обе стороны Средиземного моря считался сыном Зевса-Амона. Афиняне вместе с жителями большинства греческих городов, а также римляне официально признали его тринадцатым богом Олимпа. Египтяне увенчали его короной фараона, а вавилоняне – царской тиарой. Евреи видели в нем одного из владык мира, предвестника мессии, указанного в пророчествах Даниила. Некоторые народы Индии воплотили его черты в образе Будды, культ которого до при-

хода завоевателя окончательно не сложился. Древние христиане причислили Александра к сонму святых. Ислам отвел ему место в пантеоне своих героев под именем Искандер, а также в Коране под именем Дуль-Карнаин, или Человек с двумя рогами, потому что арабы помнили его изображение в виде Зевса-Амона – бога с рогами барана. Он всегда вызывал интерес у оккультистов. Как гласит легенда, в конце XV века доктор Фауст явил Александра императору Максимилиану.

Все это заставляет задуматься над толкованиями универсальности мифов. Живи Александр на десять или двадцать веков раньше, в прахе его легенды люди увидели бы лишь только земной культ и символику весны.

Современники Александра постоянно задавались вопросом: «Человек он или бог?» И похоже, что в пользу первого мнения было не меньше доводов, чем в пользу второго.

Для нас, отделенных от него толщей веков и воспитанных в неверии к иррациональному, вопрос стоит несколько иначе: «Что означало в те времена быть богом среди людей? Кто же он был на самом деле, этот человек-бог?»

Многочисленные соратники Александра, военачальники, предводительствующие его войсками, приближенные, исполнители его замыслов после смерти принялись описывать судьбу и подвиги Александра. Так появилось не меньше двадцати восьми произведений, написанных знавшими его людьми.

Все эти труды не сохранились, погибнув – отчасти по воле

слепого случая – среди многих других литературных памятников древности. Но прежде чем навсегда исчезнуть, эти сочинения побывали в руках пяти античных писателей: Диодора Сицилийского, Трога Помпея, Квинта Курция, Плутарха и Арриана Флавия, произведения которых вместе с несколькими пространно воспроизведенными фрагментами служат первоисточником для многочисленных биографий, исследований, диссертаций и работ, которые из века в век, из поколения в поколение посвящаются Александру.

Таким образом, нам известны внешние черты, характеры, дела, склад ума, а также слова и суждения не только Александра, но и его сподвижников. Из всех главных очевидцев только один не оставил нам своих воспоминаний, хотя этот человек знал о нем больше других. Он присутствовал при рождении Александра, наблюдал за его возмужанием, обучал наукам, сопровождал в походах, толковал его сны, оценивал предзнаменования накануне битв, вместе с ним посещал храмы и не покидал своего царя до самой смерти. От рассвета до заката он наблюдал за орбитой этого светила и, кажется, нередко направлял его движение.

Это Аристандр из Тельмесса, официальный прорицатель правителей Македонии. История сохранила нам имена многих оракулов. Я пытался воссоздать образ Аристандра, восстановить ход его мыслей, написать мемуары, которые могли бы принадлежать его перу.

Я отдаю себе отчет в том, что при написании этой кни-

ги возможны ошибки, неточности, которые могут породить ученые споры, впрочем, как все новое в этой области. Но понимание жизни Александра кажется мне невозможным без какого-либо доступа к религиозным наукам Античности и к действенной магии.

Я руководствовался только одним правилом: в своем изложении не просто придерживаться общепризнанных исторических версий, а смело высказывать гипотезы.

И если кто-то удивится, что после стольких уже опубликованных жизнеописаний Александра появилось еще одно, я отвечу словами Арриана Флавия, которые он сказал семнадцать столетий назад по такому же поводу: «Удивление при виде нового историка, следующего по стопам многих других, может быть, исчезнет, если написанное ими сравнить с тем, что написал он».

Те, кто пойдет по моим стопам, тоже могут сказать, что тема не исчерпана.

Часть первая

I

Стела для Аристандра²

Я – Аристандр из Тельмесса. Это моя стела. Я лучший из лучших, мудрейший из мудрых, образованнейший из образованных. Боги избрали меня за способность к познанию и отметили своим светом. С детства я чувствовал в себе силы и готовность к исключительным деяниям.

Среди современников не было равных мне прорицателей, слава моя затмила известность моих предков. Пожалуй, меня можно сравнить лишь с Тиресием из Фив³, который жил раньше.

Меня воспитали в храме моей родины на побережье Ликии. Уже в юном возрасте я совершил путешествие в Египет, где приобретается и пополняется великое знание всех наук. Как Фалес и Пифагор, я отправился в священные монастыри Нила для изучения медицины, геометрии, астрономии и божественных законов, которые управляют всей жизнью в веч-

² *Аристандр* – в переводе с греческого означает «лучший, достойнейший, знаменитый».

³ Слепой прорицатель, предшественник фиванских жрецов.

ном мире. Но в отличие от Фалеса, Пифагора, а позднее и божественного Платона, которые учились там, чтобы обучать потом других, я постигал науки, с тем чтобы действовать.

Будучи молодым человеком с незапятнанной репутацией, я получил очищение водой. Я никогда в жизни не ел запретного. Меня посвятили в таинства Гермеса.

Как великий жрец, которому дано видеть бога и проникать в святая святых, я носил в сердце своего господина, следовал за ним, выполнял культовые обряды вместе с пророками и, сам являясь пророком бога Амона, во время правления трех царей Македонии давал им предсказания и наставлял в делах и помыслах. Желая отметить мое превосходство среди людей, цари часто предоставляли мне место, расположенное рядом с их тронном.

Как премудрый Асклепий при великом Зозере, как Аменхотеп при Аменофисе, я был приставлен к Александру, царю и фараону, с тем чтобы помочь ему исполнить божественный замысел. Я был его правой рукой и его головой, дабы выполнялись его повеления и задуманное им. Поэтому имя Аристандра неотделимо от имени Александра.

Душа моя пребывает в покое, потому что я был справедлив в моих делах. Собственной рукой я сделал надпись на своей стеле, и я не перевоплощусь⁴.

⁴ Вера в переселение душ была распространена до христианства в эллинистическом мире.

II

Цари Македонии

Я был назначен первым духовным советником и официальным прорицателем примерно в то время, когда свершилось убийство царицы Евридики, задуманное ее сыном Филиппом Македонским. Я был еще очень молод, мне едва исполнилось двадцать лет, и тот, чьим советником я стал, как бы юн годами он ни был, считался старше меня. Когда тебя признают лучшим, то не приходится долго ждать высших почестей. Пребывание до старости в низших должностях — это далеко не самый верный способ приобретения качеств, необходимых мужам для продвижения по службе. Каждому человеку, как только он станет взрослым, можно поручать дело, уготовленное ему судьбой.

После смерти моего предшественника, прорицателя при дворе правителя Македонии, собрался совет царского храма в Афитисе, куда я был направлен египетскими наставниками. Здесь меня, несмотря на молодость, избрали на высший пост, какой только может быть в государстве. Таким образом я стал вторым лицом после царя.

Прорицатель должен познать прошлое, понять его, дабы различать черты будущего. Прорицатель в государстве должен знать его прошлое, так как страны живут и умирают подобно людям. Народы воплощены в своих правителях. Вот

история царей Македонии.

Сначала был Зевс, отец и предок всех царей на земле, одним из сыновей Зевса был Геракл, а одним из сыновей Геракла был Гилл, у которого был сын Клеодем, имевший сына Аристомаха, от сына которого Темена, героя Аргоса, произошли три брата: Гаян, Аэроп и Пердикка.

Три брата, долго странствовавшие по свету в поисках счастья, поселились в Верхней Македонии у правителя города, который поручил старшему брату пасти лошадей, среднему – быков, а младшему, Пердикке, следить за козами и свиньями.

Среди братьев юный Пердикка был самым красивым. Правитель вскоре заметил, что из трех хлебов, которые его жена каждый день пекла для пастухов, хлеб Пердикки всегда был больше по размеру и лучше подрумянен. Он заподозрил жену в измене, она отвечала со свойственной неверным супругам дерзостью, что хлебец, предназначенный Пердикке, словно по волшебству увеличивается в ее руках, когда она месит тесто. Правитель решил выгнать братьев. Прежде чем уйти, они потребовали расчета за работу. Правитель, показывая на солнечный луч, проникавший через дымовое отверстие в середине потолка, ответил: «Вот вся плата, которую вы заслуживаете. Возьмите это солнце себе в награду за труды».

Он думал зло посмеяться над ними, однако Пердикка был смекалист и умен. Отстранив растерявшихся братьев, он вы-

шел вперед и ответил, что согласен. Затем, очертив мелом на полу круг, освещаемый солнечным лучом, вошел в него и три раза обнажил грудь, подставляя ее солнцу. Поскольку круг этот приходился на середину господского дома, Пердикка заявил, что отныне все имущество прежнего хозяина принадлежит ему.

Оскорбленный правитель хотел немедленно убить братьев, но им удалось бежать. Зевс всегда помогает своим потомкам. Внезапно разразилась гроза, и река, вышедшая из берегов, преградила путь преследователям. Пердикка решил поселиться в этих краях и стал жить вместе с людьми племени, обосновавшегося неподалеку от города. Обладая талантом подчинять себе людей, он становится хозяином новых земель. Когда Пердикка почувствовал себя достаточно сильным, он захватил владения своего прежнего господина и получил царскую корону.

У Пердикки I родился сын Аргей⁵, у которого потом был сын Филипп I, имевший сына Аэропа I, отца Алкета, давшего жизнь Аминту I, сыном которого был Александр I.

Правление этих царей было отмечено непрекращающи-

⁵ У Пердикки I родился сын Аргей... – Эта генеалогия македонских царей составлена на основе трудов Геродота и Фукидида одним из лучших историков Александра, давшим наиболее полное описание его происхождения, Артуром Вейгаллом. Я часто использовал толкование Вейгаллом античных источников, особенно относящихся к периоду царствования Филиппа Македонского. При описании молодости Александра я пользовался текстом Плутарха, а азиатские походы излагал, придерживаясь трудов Квинта Курция.

мися войнами, которые велись с соседями, а после захвата всех земель Македонии войны продолжились с Иллирией, Эпиром, Линкестидой и Фракией.

Суровый климат Македонии – холодная зима, жаркое лето, дождливая весна – закаляет людей, делает их выносливыми. Мир устроен так, что усиление могущества любого народа сопряжено с политикой насильственных завоеваний. Настанет день, и крошечное македонское царство волею судьбы разгромит огромную империю персов и мидян, но исполин никогда не видит в младенце будущего соперника, который сумеет повергнуть его.

Александр, сын Аминта, первый бросил вызов Востоку, приказав убить семерых послов, уполномоченных великим царем требовать от Македонии подчинения и добиваться уплаты подати. Перед казнью послов напоили допьяна на пире. После этого греки, которым без конца угрожали персы, сами стали проявлять интерес к малому народу, считавшемуся варварским, земли которого были расположены на севере, по другую сторону снегов Олимпа.

Убийство послов было совершено рукой Александра, первого из македонских царей, носивших это имя, тогда он еще был только наследником престола. Став царем, он показал себя как дальновидный, мудрый политик. Одно время правитель Македонии делал вид, что сохраняет нейтралитет с Дарием и Ксерксом, потом он даже выступал на их стороне в битве при Марафоне, в морском сражении у острова Са-

ламин, при поджоге Афин. Накануне битвы у Платеи царь, коварно предав персов, неожиданно переметнулся к афинянам. После победы в этом сражении его стали называть Александром Филэллином, или «другом греков».

Сыном Александра Филэллина был царь Пердикка II, почитавший за честь часто принимать у себя знаменитого, не имевшего себе равных в науке врачевания Гиппократ, который, так же как и царь, происходил от Геракла. Во дворце Пердикки II Гиппократ написал часть своего ученого труда, который начинается ныне всем известными словами: «Жизнь коротка, мастерство познается долго, на случай надеяться нельзя, шарлатанство опасно, рассуждать трудно».

Наследником Пердикки II стал Архелай, его незаконно-рожденный, внебрачный сын. Архелай убил прямых наследников престола, своих сводных братьев, и таким образом добился царской короны. Как правитель он превзошел своих предшественников. Архелай покинул прежнюю столицу – город Эги, избрав новой столицей город Пеллу, расположенный на холме у озера, соединяющегося с морем рекой Лидас, – торговые корабли могли бросать якоря у крепостных стен.

Архелай построил в Македонии дороги, возвел храмы, создал сильную армию, ввел новые законы. Он поощрял развитие искусств и наук, во времена его правления уже никто не мог назвать Македонию варварской страной. Он отправил священнослужителей в Египет постигать таинства религиоз-

ных знаний. Покровительствуя поэтам, Архелай оказал гостеприимство Еврипиду, после того как тот вынужден был покинуть Афины, где его обвиняли в безбожии. В Пелле Еврипид погиб от несчастного случая – его загрызли дворцовые собаки.

Желая украсить свое жилище, Архелай пригласил к себе знаменитейшего художника того времени по имени Зевксис. Мастер, разбогатев трудом рук своих, стал раздавать свои картины бесплатно, потому что в городе не находилось состоятельных покупателей, способных заплатить за полотно истинную цену. На одеждах художника крупными буквами золотом было вышито его имя. Но, несмотря на странность поведения, противоречивость характера, Зевксис был действительно талантливым живописцем. Ему удавалось достичь такого зрительного эффекта, что картины вводили в заблуждение не только людей, но и животных. Например, птицы садились клевать виноград, грозди которого художник нарисовал на стене.

Как это часто случается с незаконнорожденными, приходящими к власти с запачканными кровью своей родни руками, Архелая ожидала горькая участь – он был убит. На смену могущественному правлению обычно приходит хаос безвластия. В течение десяти лет после смерти Архелая в Македонии царил беспорядок.

Затем власть в государстве захватил кузен Архелая Аминт II, царское происхождение которого не вызывало со-

мнений. Правление его не было счастливым, так как ему довелось воевать не только с соседями, которые однажды даже прогнали его с трона, но и вести еще более изнурительную борьбу в собственном доме со своей женой Евридикой. Этой борьбы он не выдержал.

Евридика, мать знаменитого царя Филиппа, происходила из царского рода Линкестидов. Ее я видел еще в молодости, когда приезжал в Македонию. Она прославилась своей жестокостью, непомерным честолюбием и чудовищностью своих преступлений. Редко случается, чтобы все эти темные силы и кровожадные инстинкты воплотились в одной женщине. Ей не претили убийства, напротив, они доставляли ей наслаждение. От мужа она родила четверых детей: дочь и трех сыновей. Дочь в очень юном возрасте отдала замуж за Птолемея из Алороса. Евридика вскоре воспылала к Птолемею безумной страстью и стала любовницей своего зятя. Затем она решила злодейски расправиться со своей семьей.

Первым пал обманутый супруг, царь Аминт. С обвинением Евридики в совершении преступления спешить не стали, поскольку тогда еще не знали о чудовищном коварстве этой женщины. После убийства мужа она отравила дочь, чтобы навсегда избавиться от соперницы на ложе своего возлюбленного.

После содеянного любовники не обрели покоя, ибо если страсть их была утолена, то честолюбивые замыслы не ослабли. Старший сын Евридики взошел на царский трон

под именем Александра II. С целью лишить его власти Евридика и Птолемей организовали очередное убийство, отягощенное актом святотатства. Во время ритуального танца Птолемей, участвовавший с солдатами охраны в представлении сцены боя, бросился на безоружного царя, присутствовавшего в качестве главы церковной власти, и пронзил его мечом. Оправдываясь, он стал требовать, чтобы это убийство сочли за несчастный случай. Пердикка III, средний сын Евридики, был поставлен царем, а Птолемей из Алороса назначен регентом. Младшего сына, Филиппа, удалили от двора, отправив сначала на родину матери в Линкестиду, а затем заложником отослали в Фивы – в знак доказательства нерушимости будущего союза. После нескольких лет царствования без власти, под постоянной угрозой смерти Пердикке III наконец удалось избавиться от зловещего Птолемея. Филипп вернулся из Фив, чтобы поддержать брата. Евридика бежала, она попыталась найти убежище в своем родном племени. Эта женщина с душой военачальника, способная вести за собой людей, не сложила оружия. Она собрала войско и напала на Пеллу. В этом бою погиб ее средний сын – так мать рассчиталась за смерть своего любовника.

Македонянам не следует завидовать атридам и фиванской династии Лайя, ибо Евридика из Линкестиды превзошла Клитемнестру, а оставшийся в живых ее младший сын в дальнейшем превзойдет Эдипа.

Филипп хорошо знал, что его ожидает. Он разгадал кро-

вожадные замыслы Евридики и избавился от нее первым. Дело было сделано, круг замкнулся. Убийством матери было отомщено детоубийство.

Все это время, вопреки раздорам в царской семье, силы Македонии росли. Удивительно, что народ способен достигать высот своего развития в условиях, когда его правители ведут убийственную войну друг с другом и во дворце проливается кровь. Но это закономерно – так проявляется растущая сила в народе. Осознавший свое могущество становится агрессивным. И та же неведомая воля, что возносит царства к вершинам судьбы, толкает его вождей на междоусобную борьбу. Поэтому, когда соперничество, обвинения, судебные процессы, изгнания, казни потрясают в период становления молодое государство, не верьте, что оно погибает, преждевременно исчерпав свои возможности. Страна переживает лихорадку роста.

В тот же год, когда в Македонии к власти пришел Филипп⁶, на египетский трон взошел новый фараон – Некта-

⁶ В тот же год, когда в Македонии к власти пришел Филипп... – Для краткого определения исторических рамок эпохи, в которую Филипп Македонский стал царем (359 г. до н. э.), достаточно назвать такие события: Сократ умер за 40 лет до этого, а тиран Сиракуз Дионисий Старший – за 8 лет. Платон, которому осталось жить 12 лет, находился на Сицилии при дворе Дионисия Младшего. Рим за 30 лет до этого был захвачен галлами, в то время вел борьбу с племенами Центральной Италии и допустил в консулат плебеев. Выходец из Марселя Пифей через 30 лет отправится открывать берега Северного моря. Египтом правит последняя династия фараонов египетского происхождения. Будда и Конфуций умерли примерно за 120 лет до этой даты.

небо, вознесенный на престол волной бунта, низвергнувшей его отца Теоса, а в Персеполе внебрачный сын Артаксеркса II, повинный в смерти своих братьев, унаследовал трон под именем Артаксеркса III.

Великое несогласие волновало небеса. В такое время меня пригласили истолковывать знамения и докладывать правителям, чего боги ждут от Македонии.

III

Храм и книга

Я никогда не читал надписей на стенах храма.

Я говорю только дозволенное, ибо не все можно слышать.

Наши храмы – это священные книги из камня, многие страницы которых запрещено читать священникам низших степеней, а тем более непосвященным. Я принадлежу к числу избранных, кому доверено познать все тайны храмов и прочесть все каменные книги.

В некоторых залах фивийских храмов в Египте, где я обучался, размещены в строгом порядке каменные плиты: за плитой с выбитой надписью следует чистый, гладкий камень, снова плита с начертанными письменами и снова пустая каменная глыба. При переходе от плиты к плите высеченные на камне строки слагаются в текст, и читающему кажется, что он ясно понимает его смысл. Но это заблуждение. Следует обойти стену и прочесть письмена на оборотной стороне, где испещренные знаками плиты так же разделены чистыми камнями. На каждом камне надпись выбита лишь с одной стороны, и если этой гранью он обращен в один зал, то в соседнем на этом месте видна пустая плита. Если ты не допущен читать по обе стороны стены, ты не можешь постичь истины.

Моя книга построена как храмы Фив и Мемфиса. Чистые

страницы в ней чередуются с темными, и на последние нужно смотреть при другом свете. Книги должны быть составлены как храмы, потому что и книги, и храмы есть всего лишь отражение мира, в котором у каждого предмета есть тайна, порой не соответствующая его внешнему виду и облику. Сам человек, живущий на земле, есть изображение божественного, но ему не дано познать великие тайны. Люди могут овладеть лишь только некоторыми навыками и основами знаний, необходимыми для выполнения каждым его собственной задачи во Вселенной, predetermined свыше.

IV

Регентство Филиппа

Со смертью Евридики круг замкнулся. Плод обратился в семя, змея свернулась в клубок, чтобы снова развернуть ту-гие кольца.

Единственный из оставшихся в живых сыновей Пердик-ки был посажен на царский трон в юные годы под именем Аминта III. Филиппа, свершившего свой суд над вероломной царицей, македоняне назначили опекуном слабого племян-ника и регентом царства. Вся полнота власти сосредото-чилась в его руках, к нему обращались как к государю и ока-зывали высшие почести. Филипп во всем поступал как на-стоящий царь, место которого ему по праву суждено было занять восемь лет спустя, после торжественной коронации и при всеобщем согласии.

Филиппу в то время было двадцать три года. Это был кра-савец, выделявшийся высоким ростом и атлетическим те-лосложением. От своих предков, некогда живших в горах, он унаследовал большую выносливость. Будучи хорошо на-тренирован физически, Филипп мастерски владел своим те-лом. У него были черные сверкающие глаза, темные, корот-ко стриженные волосы, борода клинышком – все это при-давало ему мужественный вид. Он подкупал своим обаяни-ем женщин и мужчин. Так продолжалось до тех пор, пока

пристрастие к вину и роскоши, а также раны, полученные в сражениях, не обезобразили его облик, ставший в последние годы жизни отталкивающим. Благодаря жизнелюбию, веселому нраву, заразительному смеху, непринужденности, с которой он выходил на арену, чтобы повергнуть наземь самых сильных борцов или победить самых быстрых бегунов, фамильярности обращения со своими полководцами, солдатами, гостями он быстро и легко завоевывал дружбу и расположение людей. Однако Филипп, несомненно, был самым коварным человеком, которого когда-либо носила земля. Не зная цену настоящей дружбе, он не задумываясь предавал своих товарищей. Двумличие было для него так же естественно, как и дыхание, обман доставлял ему такое же удовольствие, как и удачно выполненное упражнение. Иногда Филипп просто не замечал, что врет, — до такой степени ложь стала частью его натуры.

Он не знал меры в наслаждениях, умел красиво говорить, но после третьего кубка вина начинал несвязно горлопанить, был искусным, азартным игроком (словно родился с игровой костью в руке) и отличался чрезмерным пристрастием к женщинам, которое стало легендарным. Как только Филипп видел стройные ноги, гибкий стан, пышную грудь, эта женщина становилась предметом его вожделения и охоты. Но стоило ей немного пококетничать с ним, как он сам, теряя голову, становился ее жертвой. Однажды Филипп увязался за красавицей, которая, оказавшись с ним наедине, сказала:

«Оставь же меня в покое! Ведь между женщинами исчезают различия, когда тушат лампу». Она хорошо знала натуру царя. Действительно, для него все женщины были одинаковы, но Филипп не хотел даже сам себе признаться в этом. От близости с женщиной он всегда ждал большего, чем просто удовлетворение минутной страсти.

Филипп обожал все афинское и очень хотел, чтобы и его все принимали за афинянина. Он старался перенять обычаи Аттики, говорить на языке ее народа, который отличался от языка македонян, подражал ее моде. Но поскольку ему были чужды длительный самоконтроль и сдерживание бурных эмоций, он не способен был ввести в заблуждение афинян и вселить в их сердца любовь и уважение к своей персоне. Филипп всегда приходил в ярость, когда по выражению глаз жителей Афин понимал, что его считают всего лишь пройдохой и мужланом.

Получив воспитание в Фивах, где он провел долгие годы заложником, Филипп, стремясь выдавать себя за афинянина, на самом деле поступал как беотиец.

Предметом его особого внимания и забот была армия. Сразу после вступления в регентство он создал македонскую фалангу по образцу знаменитой фиванской фаланги. Фаланга Македонии состояла из десяти или шестнадцати рядов. Солдаты первых трех рядов были вооружены короткими мечами, в то время как солдаты четвертого ряда имели копья длиной четырнадцать или даже тридцать локтей, кото-

рые они опускали на плечи впереди идущих воинов, создавая противнику заслон из пик. Эти фаланги стали оружием побед.

В первые же недели регентства Филипп создал десятитысячную армию, которую сразу же бросил на борьбу с соплеменниками Евридики, истребив из них семь тысяч. Остальных македоняне оттеснили в горы Линкестиды.

Пять претендентов на престол, каждый при поддержке своего войска и союзников, сражались за царскую корону. Филипп, признавший своего юного племянника царем лишь для того, чтобы иметь возможность править самому, трех претендентов обратил в бегство, четвертого убил и разбил его войско. Он сосредоточил в своих руках всю власть и армию, теперь для упрочения своего положения, содержания войска, сохранения своего господства ему требовалось золото. С этой целью Филипп завладел золотыми приисками у горы Пангеи, которые были частью афинской колонии, принеся извинения афинянам за вторжение и заверив их, что вынужден был поступить таким образом, дабы стать их верным союзником. Прииски он, однако, оставил себе и эксплуатировал их так интенсивно, что вскоре македонские золотые монеты с его изображением заполонили всю Грецию, а затем и более отдаленные страны, вплоть до берегов великого океана на западе.

Итак, Филипп имел все, кроме благосклонности богов, без которой невозможно сохранить благосклонность людей.

Когда правит слишком сильный и жестокий властелин, народ начинает терять терпение и, быстро забыв прошлое, принимается сетовать на действия правителя, которые недавно шумно одобрял.

Филипп избавил Македонию от преступной Евридики и от нападок Линкестиды, но при этом оставался убийцей своей матери, о чем шептались во всех лавках при обнародовании каждого нового эдикта. Я посоветовал Филиппу совершить паломничество на остров Самофракия и принести жертвоприношение богам-кабирам, ибо этот дар богам снимает с человека всякую вину за кровавые преступления. Прежде чем отправить царя в это путешествие, я долго совещался со священнослужителями, мы изучали положение небесных светил, размышляли над пророчествами и рассчитывали благоприятные периоды. Мы получили предсказания из нескольких мест, и нам стало известно, что с Самофракии Филипп вернется не один.

V

Время Амона

Надобно знать, что наряду с земными годами есть годы вселенские. Большой вселенский год состоит примерно из двадцати пяти тысяч земных лет и делится на месяцы, каждый из которых насчитывает около двух тысяч ста лет. Вселенские месяцы рассчитываются по перемещению точки равноденствия по кругу зодиака; они проходят знаки зодиака в обратном порядке, нежели земные месяцы. Например, в месяцы земного года за Львом следует Дева, а за Стрельцом – Козерог, в то время как в последовательности знаков вселенского года за Козерогом идет Стрелец, а за Девой – Лев. Это доказывает, что всякое движение в одну сторону соображается с обратным движением. Сходные знаки, вращающиеся в противоположном направлении, являются не чем иным, как проявлением видимой и незримой жизни.

Нужно знать также, что каждый месяц большого вселенского года называется временем и управляется одним из двенадцати знаков. Земной год заканчивается в Рыбах и возобновляется в Овне, вселенский год завершается во времени Овна и начинается в Рыбах. Переход времени из Овна в Рыбы отмечен на небосклоне расположением светил, которое называют конфигурацией конца времени. Это не означает, что мир стоит на грани разрушения, а лишь знаменует завер-

шение цикла из двенадцати периодов.

Знайτε, что события, о которых я рассказываю, произошли к концу двенадцатого времени, времени Овна, которое вот уже семнадцать веков как пришло на смену времени Тельца и до конца его еще оставалось примерно триста пятьдесят лет. Затем начнется новый год Вселенной.

Надобно знать, что начало Овна в Египте воплощено в бoге Амоне. Но нельзя говорить, что божества Амон и Амон-Ра единосущи, ибо бог Ра является божественным олицетворением полного вселенского года в качестве его верховного правителя – бога Солнца, а Амон-Ра – это начало бога Ра именно во времени Овна. Заблуждаются и те, кто считает, что Ра служит верховным божеством египтян, и те, кто полагает, что у них нет высшего божества, единого создателя. Ибо Ра, божественное начало Солнца, самый великий из существующих и известных нам богов, есть создание Единственного Непорожденного Творца, всего, что является не единым, а источником единого, бога слишком большого, чтобы ему можно было дать имя или даже назвать богом.

Следует также знать, что в греческих государствах египетскому Амону-Ра соответствует Зевс-Амон⁷, а в других

⁷ ...в греческих государствах египетскому Амону-Ра соответствует Зевс-Амон... – Культ Амона, который изображался в виде идола с головой барана, появился в Египте примерно за 2000 лет до н. э., то есть в начале астрологического времени Овна. В это время происходит смена имен фараонов. Вместо Ментухотеп («менту», или «монту», означало в то время «бык») они стали носить имена Аменемхат или Аменеммес, а позднее Аменхотеп. Корень «монту» в их именах

странах – Амон-Най, Мин-Амон, держатель молнии, и Бель-Мордук в Вавилонии. Все это облики одного бога-времени, которому поклоняются в разных землях. Все святилища Амона-Ра и Зевса-Амона всегда были связаны между собой через священнослужителей, и эта связь была особенно сильна в те времена благодаря пророчествам, которым нас обучали.

Дело в том, что египетские мудрецы знали не только то, что происходило в древние времена, но и то, что ожидает в будущем. Еще в самом начале появления Египта был известен его конец. Божественный Гермес так об этом поведал божественному Асклепию⁸: «...настанет время, когда егип-

никогда больше не встречается, зато часто повторяется корень «амон». Смена имен происходит в эпоху Среднего царства, между XI и XII династиями. Можно также отметить, что сохранившиеся хронологии вавилонских династий начинаются примерно с 2000 г. до н. э., так же как хронология ассирийских царей. Понятие астрологической эры является неотъемлемой частью звездной теологии древних. Оно регламентирует их культы, используется в пророчествах, оказывает влияние на развитие эзотерической науки и формирование понятия истории. Конец эры Овна был предсказан в египетских пророчествах, а приход Мессии был объявлен не только иудейскими провидцами. Первые христиане приняли за символ веры новой эры изображение знака Рыб, а потом заменили его изображением креста. Смена эры якобы сопровождается атмосферными и земными пертурбациями. Землетрясение, происшедшее в Палестине во время страстей Христовых, – далеко не изолированный факт. В апокрифических Евангелиях говорится, что во время нахождения Иисуса в Египте рухнули многие храмы.

⁸ *Божественный Гермес так об этом поведал божественному Асклепию...* – Выдержка из так называемых «Герметических трактатов» (откровения Асклепия), первые греческие варианты которых были составлены примерно за два века до н. э. на основе египетских книг, предшествовавших им по крайней мере на

тянам станет казаться, что они напрасно почитали своих богов. Поклонение святым окажется тщетным и не будет более приносить успеха... Страну наводнят чужестранцы. И тогда эта земля, обитель святилищ и храмов, будет усеяна склепами и трупами. О Египет, Египет! От твоих культов останутся только небылицы, которым не станут верить твои дети. Не уцелеет ничего, кроме текстов, высеченных на камнях, в которых рассказывается о благих деяниях».

Конец был близок. Уже не раз персы нападали на Египет, разрушая святилища Амона и подвергая гонениям жрецов. Чужеземцев изгоняли силами греческих армий, но было возвещено, что персы вернутся опять и что новому фараону Нектанебо II не суждено будет закончить свои дни на троне предков. Мы знали и он ведал, что будет последним фараоном египетского народа. Таково предсказание.

два тысячелетия. Термин «герметический», означающий во французском языке «скрытый, тайный, закрытый», первоначально означал учение, которое было поведено богом Гермесом, или Гормесом, что означает «рождение человека». Обнаруживается большое сходство между текстами Гермеса и многими отрывками из сочинений Платона, особенно из «Тимея». Платон 13 лет учился в Египте, подобно тому как Пифагор более 20 лет проработал в храмах, а до него Фалес из Милета. Как известно, учеником Платона был Аристотель. Их произведения, послужившие фундаментом всей западной мысли, замешены на египетской науке посвящения. Обожествленный греками Асклепий (Эскулап) – не выдуманная фигура и не простое имя из мифа. Это знаменитый в свое время человек, которого египтяне называли Имотхеп, астроном, врач, архитектор и юрист, первый министр при дворе фараона Джезера из III династии, жившего примерно в 2800 г. до н. э. Нам трудно представить себе обожествление реально живших людей. Чтобы лучше это понять, подумайте о канонизации наших святых.

Но время еще не вышло, и культ Амона продолжал жить. Нам было известно, что явится перевоплощение бога и восстановит культ Амона последний раз перед его исчезновением за временем Рыб.

Пророчества гласили: «И тогда солнце встанет на севере».

Служители культа, изучавшие светила разных стран, обращали взоры свои на северные государства, где сохранялся культ Амона, особенно на земли севера Греции. Святилища Зевса-Амона есть в Афитисе, в Македонии, в эпирском городе Додона. Святилище из святилищ, оракул из оракулов находится в оазисе Сива в Ливии. Взгляды наши были прикованы к судьбе владык Эпира и Македонии. На основе предсказаний мы сделали расчеты. Восстановитель культа – солнце в человеческом образе – должен быть зачат осенью, в последний год Сто пятой олимпиады греков.

Надо знать следующее: пророчества сбываются всегда, но не без участия людей, мы действуем так, чтобы они свершались. Роль пророчеств в том и состоит, чтобы заранее предупредить мудрецов о том, что им предстоит сделать, дабы то, что должно случиться, случилось. Но поскольку очень немногие удостоиваются чести изучать великую науку, тех, кто обладает великим знанием, люди никогда не в состоянии понять полностью.

VI

Олимпиада

Путь от Пеллы до моря мы проделали на лошадях, затем погрузились на корабль, направлявшийся к архипелагу. В свите Филиппа находился его лучший полководец Антип по прозвищу Антипатр, сын Иолла, которому регент полностью доверял, имея на это все основания. Никто никогда не служил ему с такой преданностью. Филипп говорил: «Я могу спать спокойно, зная, что на страже стоит Антипатр».

Верный Филиппу до скуки, он, заботясь о благополучии своего господина, старше которого был почти на двадцать лет, позволял себе публично делать ему наставления. В то время его уже называли Антипом Мудрым. Он никогда не снимал шлем и потому преждевременно лысел. Я видел, что ему суждено пережить Филиппа, получить большую власть в Македонии, однако последние дни его жизни омрачат невзгоды. Он не отличался ни острым умом, ни ученостью. По складу своего характера Антипатр был человеком действия, который, держась на вторых ролях, незаменим в делах управления государством и командования армией. Он никогда не любил меня из-за того, что ничего не понимал в божественных науках. Филипп его побаивался, и, если во время игры в кости замечал, что в шатер с суровым видом входит Антипатр, он быстро прятал рожок и кости под кро-

вать. Антипатр как живой укор повсюду следовал за Филиппом, что благотворно сказывалось на поступках правителя.

По курсу нашего корабля неожиданно возник из воды высокий скалистый берег Самофракии. Мы пристали в порту Полеаполя, где уже находилось множество судов. На берегу толпился народ. На следующий день ожидали начала праздника таинств, на которые по традиции стекаются паломники из разных стран. Филиппа приняли с царскими почестями. Его провели по святилищам, вокруг которых располагались жилища жрецов и священных гетер.

– Таинственная жена, которую мы для тебя избрали, принадлежит к царской семье, – сказал великий жрец Филиппу. – Имя ее Олимпиада, ей минуло шестнадцать лет. Ее отец – ныне покойный царь Эпира Неоптолем, ее брат – нынешний царь и твой сосед по владениям Александр по прозвищу Сторожевой Пес. Ее род ведет свое начало от Ахилла, с детства ее обучали в храме Додоны, а последние несколько месяцев она живет в нашем монастыре. Если твой прорицатель одобрит наш выбор, то она будет только твоя и не станет делить тебя с паломниками, как другие гетеры.

В одном из залов храма у меня состоялась встреча со священнослужителями высокого ранга, где, кроме верховных жрецов храма кабиров, присутствовали духовные лица других святилищ, некоторые прибыли из Додоны, был маг из Эфеса в Лидии и египтянин – посланец первого прорицателя бога Амона. Мы расселись на полу по кругу и погрузились

в созерцание.

– Она жрица Зевса-Амона, земная жена бога⁹, – изрек один из кабиров. – Мы передали ей змею, которая в состоянии покоя олицетворяет начало и конец, а в движении воспроизводит двойной ритм Вселенной.

Служитель-астролог отметил на восковом круге положение небесных светил при рождении Олимпиады.

– Она ли это? – спросил меня великий жрец.

Я закрыл глаза и сосредоточился.

– Да, это именно она, – ответил я. – Знает ли она о своей судьбе?

– Знает, ей было объявлено. Она умеет вызывать богов.

Мы снова погрузились в созерцание, сложив руки на коленях.

– Видишь ли ты ее рядом с ним? – вновь спросили меня.

– Уже давно я ее вижу.

Тут заговорил египтянин:

– Северное царство, словно яйцо, вскормит Восстановителя. Но тот, кого станут называть его отцом, на самом деле им не будет, ибо начало Амона не может войти в северного

⁹ ...земная жена бога... – Это был официальный титул первой жрицы в храмах Амона. Среди прочих его носила царская принцесса Нешебашеру из XXI династии египетских фараонов. Присутствие Олимпиады, дочери царя Эпира, в компании храмовых проституток может удивить только нас. Тексты, во всяком случае, довольно красноречиво говорят о характере обязанностей, которые эта принцесса выполняла в Самофракии, и с каким пылом она это делала. Заметим также, что греческое слово «гетера» первоначально означало «подруга», а «гетер» – «друг».

царя, потому что сам он не сын Амона.

– Начало Амона может войти в служителей его культа.

– Да, если фараон не сможет породить себе наследника и если Амон даст указание небесному гончару.

На этом мы расстались.

На следующий вечер, когда стемнело, священнослужители, гетеры и пилигримы собрались на большой площади перед храмом. Здесь возвышались статуи четырех богов-кабиров: Аксиры, Аксиокерсы, Акагокерса и Кадма. Они олицетворяют два мужских и два женских начала и зовутся также Деметрой – богиней сотворения, Персефой – богиней царства смерти, Гадесом – богом подземного мира и царства мертвых и Гермесом, возвещающим о рождении нового.

Самофракийские таинства – это большие представления, похожие на театральные, с той лишь разницей, что на них нет зрителей. Точнее сказать, те, кто считает себя зрителем, поневоле становятся участниками или актерами, потому что этот театр воспроизводит саму жизнь. В этих таинствах с помощью символов и волшебства выполняются действия, составляющие жизненный круг, чтобы избавить нас от вины за совершенные несправедливости и несовершенные благие дела, освободить от злой воли и недобрых желаний, овладевших нами.

В наших городах представления в амфитеатрах, где присутствуют толпы людей, есть всего лишь жалкая профанация таинств. Таинства избавляют от раскаяния за содеянное, в

то время как театральные представления освобождают всего лишь от желаний.

Для людей посвященных акты таинств имеют ясный смысл, люди непосвященные их не понимают, но это и не так важно, потому что магические символы действуют сами по себе, их действие распространяется за пределы рационального в сознании и понимании.

Таинство кабиров началось с изображения смерти в разыгрываемой сцене убийства. Затем верховный жрец обошел всех собравшихся и отпустил каждому грех за свершение убийства, разрывающего божественный жизненный круг. Он возложил свои руки на Филиппа и долго держал их так, после чего подошел к Антипатру, который выразил на лице своем удивление и беспокойство, ибо, как всякий солдат, который много убивал сам и приказывал убивать другим, он считал себя свободным от каких-либо грехов. Неожиданно для всех Антипатр, в порыве исступления бросившись вперед, стал размахивать безоружной рукой, словно разил кинжалом невидимого врага. Упав на землю, он бился в конвульсиях с пеной у рта, как будто сам погибал от руки таинственного противника. Он успокоился и поднялся на ноги лишь после того, как верховный жрец возложил на него свои руки. После пережитого Антипатр долго еще не мог оправиться и прийти в себя.

Вошли гетеры, играя на флейтах, систрах, цимбалах и тамбуринах. Занавес раздвинулся, и появился жрец в огром-

ной маске, олицетворяющий Адама, первого человека на земле. Я знал, что вслед за ним должна выйти носительница змеи. Закрыв глаза, я попытался в последний раз воскресить в памяти ее образ, являвшийся мне неоднократно в пророчествах, дабы, разомкнув глаза, сравнить его с оригиналом. Ошибся я или нет? Я гнал от себя мысли. Перед моим внутренним взором предстала темная, окруженная серым туманом сфера, в центр которой мы, прорицатели, вызываем далекие образы. Потом я открыл глаза.

Увиденное превзошло все мои ожидания. Олимпиада оказалась живой копией сложившегося у меня образа. Она держалась прямо, была стройна, только повязка из тончайшей прозрачной ткани слегка прикрывала ее бедра и грудь. Хотя все факелы были опущены к земле, казалось, что Олимпиада залита светом. Тело ее обвивала одна из змей Амона, чешуйчатая голова которой лежала на плече девушки как огромное живое украшение. Она была прекрасна: мраморно-белая кожа, узкое лицо, четкие очертания бровей. Но я как замороженный не мог отвести взора от огромных серых глаз, которые так часто являлись мне, в их слюдяном сверкании застыло выражение неотвратимости судьбы божественной жены. Судя по тому, с какой легкостью эта невысокая девушка носила на себе тяжелую змею, она обладала немалой силой. Олимпиада приблизилась ко мне настолько, что голова змеи почти коснулась меня. Я заметил на ее теле три маленькие родинки: на лбу, на плече и на груди, отмечающие как раз

те точки, на которые возлагались руки во время церемонии коронования фараонов. При свете факелов волосы ее отливали золотом. Я подошел к угрюмому Филиппу, который не сводил глаз с девушки, и сказал ему вполголоса:

– Вот та женщина, которая предназначена тебе.

Она уже отвернулась.

Вторая часть таинства посвящалась изображению зарождения жизни. Только рождение может успокоить в божественном мире негодование, вызванное преступлением, потому что всякая насильственно отнятая жизнь должна быть заменена новой жизнью, потому что единственное искупление за лишение жизни – это дар новой жизни, потому что только любовь стирает следы убийства. Чередование жизни и смерти должно быть бесконечно.

Олимпиада подошла к священнику в маске Адама, стоявшему в центре круга, грациозно начав священный танец со змеей. Присутствующие с восхищением и ужасом наблюдали за тем, как она подносила к губам змеиный язык, обвивала шею, грудь и живот тугими зелеными кольцами, пропускала гибкое тело змеи между ног, разворачивала ее, чтобы вновь обвить вокруг себя. В это время гетеры, специально обученные жрецами, играя на музыкальных инструментах, распевали обрядовые стихи. В священной мелодии ясно слышался ритм зарождения жизни. Все пилигримы, сами того не сознавая, дышали в такт музыке.

Пока продолжался танец, факелы поочередно высоко под-

нимали и опускали к земле. В мерцающем пламени фигура Олимпиады то озарялась светом, то исчезала в тени. Лежа на земле, она изображала движением тела акт любви с такой страстью и совершенством, что присутствующие не могли сдержать стоны вожеления. «Адам» стремительно кружился, постепенно приближаясь к ней. Наконец он схватил Олимпиаду на руки и скрылся за занавесом. Следом за ними по камням медленно проползла змея.

Вскоре Олимпиада показалась вновь, но уже одна. Тайнство этого дня завершилось. Паломники направились к жилищам гетер.

Я сам отвел Олимпиаду в шатер Филиппа. В эту ночь она не отдалась ему, ибо еще не истекло время таинств, в течение которого носительница священной змеи могла принадлежать только богу. В часы их первого свидания она преподавала Филиппу урок искусства любви, обучив грубого и скорого в удовлетворении своих плотских желаний македонянина изысканным любовным ласкам, в которых раньше он был несведущ. Служители культа посвятили ее во все премудрости любовной науки, считая сладострастие одним из путей постижения божественного сознания. Эти мистерии избавляют пилигримов от пороков, о существовании которых они даже не ведают, заставляя их терять ощущение времени и чувство реальности. Каждую ночь Олимпиада распахивала перед Филиппом двери в непознанное между телом и душой. Он безумно влюбился в нее, как мы и ожидали. Он не считал

нужным хранить в тайне их интимные отношения и целыми днями мог рассказывать о ласках Олимпиады.

Чтобы быть уверенным в успехе задуманного, еще до начала таинств мы напустили на Филиппа колдовские чары, к которым обычно прибегают при подготовке брачного союза. Однако Олимпиада и без нашей помощи сумела бы пленить Филиппа, как наслаждениями, которые она ему щедро дарила, так и почтительными отказами, и стала для него самой желанной – со времени их знакомства его взгляд ни разу не остановился ни на одной девушке. С утра до вечера он думал только о любовных утехах прошедшей ночи. Филипп с нетерпением ждал продолжения таинств. Бесцеремонно расталкивая зрителей, он пробирался в первый ряд, и при появлении бледной, хрупкой, обвитой кольцами священной змеи Олимпиады вздох облегчения и надежды вырывался из его груди. Все это достаточно убедительно свидетельствовало о той власти, которую возымела над ним эта женщина.

Священнослужителя, исполняющего роль Адама, меняли каждый вечер. Однажды я стоял у входа в храм, когда Олимпиаду уносили за занавес. Сквозь оглушительный шум сistr и кастаньет из глубины храма до меня донеслись слова заклинания Олимпиады, усиленные эхом пустынных залов:

– Внутреннее сияние Амона, упади на твою прислужницу, окажи честь твоей супруге! Дай ей сына, который будет посвящен служению тебе! Пошли ей сына, который станет твоей рукой на земле. Пусть он правит людьми и царствует

над народами. Внутренний свет Амона, сияние Зевса, войди в твою прислужницу! Пусть сын твой будет великим и знатным, пусть он станет царем, хранителем твоей силы, защитником твоего культа, властелином царств, равным богам!

Затем она долго повторяла нараспев имя Амона.

Таинства закончились. На девятую ночь Олимпиада, как между ними было обусловлено, согласилась отдаться Филиппу. Утром он объявил, что берет ее в законные жены.

Узнав об этом, мудрый Антипатр принялся возмущенно кричать, что Филипп сошел с ума, что его околдовали, воспользовавшись его склонностью к сладострастию.

– Возьми ее в любовницы, если она тебе так нравится, – говорил он. – Я, зная тебя, быюсь об заклад, что ты недолго будешь ею восхищаться.

Филипп ответил, что, желая забрать Олимпиаду из храма, он непременно должен жениться на ней, ибо к этому его обязывает высокое положение его возлюбленной – царевны и жрицы.

– Тогда оставь ее жрецам, для которых она создана, – возразил Антипатр. – Неужели ты хочешь привести в свой дворец заклинательницу змей и колдунью? Какое значение имеет ее высокое происхождение? Ты, первый человек в Македонии, хочешь взять в жены женщину, предназначение которой отдаваться мужчинам на ступенях храмов? Принадлежавшая многим до тебя, став твоей женой, несомненно будет изменять тебе. Какой же ты слепец! Хорошо же ты бу-

десь выглядеть, когда случайный путешественник, остановившись проездом в Пелле, вспомнит, что видел, как твоя полуобнаженная супруга валялась на земле в обществе сотни проституток, своих сестер, и такого же количества горлопанов, состоящих на службе у Приапа!

Крайне возмущенный речами Антипатра, Филипп назвал его богохульником и обвинил в кощунстве. Он считал, что все происходившее здесь было преисполнено чистоты и святости и не имело ничего общего с распутством. Разве Антипатр забыл все происходившее с ним во время таинств? Филипп приводил разные доводы, смешивая политику с любовью, горячо уверяя, что о лучшем союзе он не может мечтать. Эпир, родина Олимпиады, расположен рядом с Македонией, и, вступив в брак с царевной, он заручится союзом с эпирским царем Александром. Филипп попросил меня изучить положение светил и предзнаменования. Звезды повторили то, что мне было уже доподлинно известно.

Олимпиада, преисполненная светлой надежды родить сына Амона, не испытывала к Филиппу ни любви, ни отвращения. Разве мог простой смертный взволновать ее, живущую в мистическом союзе с богом? В то же время она с восхищением, свойственным шестнадцатилетней девушке, принимала свою удивительную судьбу. Олимпиада, вспоминая донский лес, монастырь кабиров, мечтала стать первой дамой в Македонии.

Без промедления был отправлен посланец в Эпир.

VII

Стена Фив

Только постигший священные науки в великом храме Фив в Египте имеет право доступа в зал рождения, где хранится все необходимое для сотворения будущего фараона. Вот что было дано понять посвященному, читающему письма на стенах святилища.

Вначале жрецы Амона рассчитывают день и час, когда начало Амона находится в царствующем монархе, дабы тот мог произвести будущего наследника. В это время бог-гончар Хнум уже лепит на небесах будущего фараона и его двойника. Когда наступает означенный день, жрец приходит к жене царя, ожидающей зачатия, и объявляет ей ¹⁰: «Настало время

¹⁰ ...жрец приходит к жене царя, ожидающей зачатия, и объявляет ей... – Возвещения о зачатии и рождении Аменофиса III выбиты на стене храмового комплекса Карнак; возвещения, подобные описанному, а также сообщения о крещении содержатся не только в Новом Завете. Это была обычная священническая практика, к которой прибегали при наследовании царского трона. В Евангелиях содержатся два возвещения: одно было дано Марии, другое – Захарии и Елизавете перед рождением Иоанна Предтечи (см. Евангелие от Луки). В Ветхом Завете тоже есть вариации на эту тему. Мистические рождения в Библии имеют сходство с рождениями фараонов. Посвященные в таинства женщины применяли эзотерический, колдовской ритуал для рождения детей, являющихся воплощением божественных сил. Этих детей, посвященных с младенческого возраста служению Богу, называли назареянами. Мать Самуила просила Господа: «Если Ты помнишь и не забыл Твою служанку, если Ты дашь Твоей служанке мальчика,

тебе понести от божественного семени». Не всегда этот ребенок ее первенец.

Во время священного соития Амон принимает образ фараона. Покорная власти высших сил, царица при божественном совокуплении громко перечисляет качества и достоин-

я посвящу служению Господу Богу всю его жизнь, и головы его не коснется бритва». Иеремия для подтверждения своего божественного предназначения говорил следующее: «Господь обратился ко мне с такими словами: „Я тебя знал еще до того, как создал тебя в чреве твоей матери, и Я тебя освятил еще до того, как ты появился из ее чрева. Я тебя поставил пророком народов“». Между понятием о предшествовании души телу, которое выражается в этих словах, и символическим двойником будущего ребенка, сидящим на коленях Амона, единственная разница только в способе изображения. Мария, мать Христа, тоже была таинственным образом запрошенным у Бога ребенком и посвящена службе ему с младенческой поры. Ее отец Иоахим (по протоевангелию Иакова, подтвержденному псевдо-Матфеем) был человеком очень богатым, который делал приношения богам в двойном размере, но беда его была в том, что у него не было детей. Его жена Анна в 40 лет все еще была бесплодной. Муж и жена обращали свои молитвы к Господу. Когда Анне явился ангел с вестью, что ее желание будет исполнено и она родит ребенка, она ответила: «Рожу ли я мальчика или девочку, я отдам ребенка на всю жизнь в услужение моему Господу Богу». Согласно тем же текстам, Мария воспитывалась в храме и была обучена гимнам и ритуальным танцам. Она оставалась в храме до достижения половой зрелости. Ее семья принадлежала к сословию, которое сегодня назвали бы «черной знатью». В тех же текстах рассказывается, что мужа ей выбрали служители культа. Во время религиозной церемонии верховный жрец сказал Иосифу: «Ты избран, чтобы принять под охрану девственницу Господа». Иосиф отклонил этот выбор, сказав: «У меня есть сыновья, и сам я стар, а она еще девочка. Я не хотел бы превратиться в объект насмешек сынов Израиля». Феномен Благовеста присутствует также в индийской традиции. Стоит упомянуть лишь возведение, сделанное непорочной матери Кришны – ищущего – птицей, появившейся из света. Девственница Дварки родила на восьмом месяце. На пути Александра по Индии нам, впрочем, встретятся последователи секты Дварки.

ства своего будущего сына.

Пока царица носит под сердцем ребенка, его двойник сидит на коленях Амона, определяющего его судьбу. Все боги и гении царств заботятся о благополучии матери, вынашивающей земную форму их грядущего повелителя.

Когда настает срок разрешения от бремени и царский сын появляется на свет, его двойник покидает колени Амона и сливается со своим земным телом в единое целое. Сверхая обряд, на младенца льют очистительную воду из двух амфор.

Так воплощается самый великий человек своего времени, кто будет править и повелевать царствами и людьми.

Только жрецы и прорицатель Амона наделены правом передавать начало божества, если это не в состоянии сделать фараон.

VIII

Неудачный брак

В следующем месяце в Пелле состоялась свадьба Олимпиады и Филиппа, так велико было нетерпение влюбленного правителя.

Ночью накануне церемонии бракосочетания Олимпиаде приснился сон. Ей привиделось, что раздался удар грома и молния ударила ей в чрево, от этого удара вспыхнул сильный огонь, поднявшийся до небес. На громкие вопли царицы сбежались перепуганные служанки. Утром о видении говорил весь дворец. Так как молния – атрибут Зевса, то все согласилось с истолкованием сна Олимпиады в том смысле, что знамение предвещает рождение ребенка, которому уготовлена необыкновенная судьба.

Церемония бракосочетания проходила согласно македонскому обычаю. Олимпиада, одетая во все белое, украшенная венком из цветов, с легкой вуалью на лице, поднялась на колесницу, запряженную шестеркой белых быков с длинными рогами в форме лиры. Рядом с ней сел Филипп. Перед колесницей рабы несли незажженные факелы. Во главе процессии шли эфеб, играющий на флейте, и девственница с пустой амфорой.

Толпа людей, собравшихся по пути следования кортежа, приветствовала молодых, размахивая ветками лавра. Всем

было интересно посмотреть, что за царевну выбрал в жены регент. О невесте ходили разные слухи.

По прибытии процессии в храм Деметры жрица огласила новобрачным порядок брачного ритуала. Ребенок преподнес супругам в корзине освященный хлеб, который они разломали в знак согласия.

После торжественной церемонии кортеж направился во дворец. Впереди шествия теперь уже несли зажженные факелы. Праздничный обед продолжался до ночи. Приглашенные возлежали на ложах по два-три человека, им подавали изысканные блюда. Филипп выпил больше, чем подобало, и призывал гостей непомерными возлияниями отпраздновать его радость.

В этот день Олимпиаду постигло первое разочарование. Сидя неподвижно под большими фресками Зевксиса, похожая на маленького идола с тонкими чертами лица и огромными сверкающими глазами, она увидела македонских правителей такими, какими они были на самом деле: пьяницами, горлопанами и грубыми мужланами. Филипп, как всегда, когда бывал пьян, говорил вещи, о которых следовало молчать, и слишком много разглагольствовал о своем посещении Самофракии. Желая продемонстрировать собравшимся грациозность своей жены, ее умение танцевать, превосходящее во сто крат возможности нанятых на празднества танцовщиц, Филипп приказал Олимпиаде обнажиться и показать свое искусство. Он рассердился, когда она отказалась

исполнить его волю. Антипатр пил мало и весь вечер просидел с хмурым видом.

Наконец Филипп решил взять свою жену на руки, чтобы отнести в брачные покои. Гости провожали их пением. Одна из родственниц поставила в покоях священный канделябр – знак защиты богов. Затем двери покоев плотно затворили, а те, кто еще хотел выпить, вернулись в зал для пиршеств.

Первая брачная ночь не принесла Филиппу желанного наслаждения. Наутро он пожаловался мне, что жена была довольно холодна к нему, а сам он не испытал тех радостей любви, которые познал в Самофракии и ради которых так торопился с женитьбой. Причину своих неудач он видел в чрезмерном количестве выпитого накануне вина. Но более всего его беспокоило сновидение.

Ему приснилось, что он опечатал чрево своей молодой жены восковой печатью с изображением льва. Он попросил меня истолковать этот сон.

– Господин мой, – ответил я, – пустой бурдюк не опечатывают.

– Я это понял, – сказал Филипп. – Ради такого ответа я не стал бы вызывать тебя. Я хочу знать, кто наполнил бурдюк.

Слепое влечение Филиппа уже прошло, им овладело подозрение.

Я долго обдумывал свой ответ, чтобы он не выглядел ложью и в то же время не открывал вопрошающему истину.

– Твой сон, – ответил я Филиппу, – не должен вызывать

у тебя сомнений. Он означает, что в первую брачную ночь твоя жена уже была беременна и она родит сына, у которого будет львиное сердце.

Такой ответ не рассеял сомнений Филиппа и не избавил его от разочарования в Олимпиаде. Стена несогласия разделяла их по ночам. Олимпиада более не пребывала в экзальтации, вызываемой таинствами, и казалась равнодушной к любви на ложе своего супруга. Познавшая восторг мгновений близости с богом, овладевшим ею через небесные пространства, она с презрением смотрела на грубого вояку, который хотел найти в ней всего лишь наложницу для удовлетворения своей похоти. Избранницу Амона, носившую в себе бережно хранимую тайну, ее оскорбляло грубое, недостойное жрицы обращение Филиппа, постоянно напоминавшего ей о происходившем в Самофракии. Она отворачивалась от него, в душе насмехаясь над мужем, обманутым еще до свадьбы, за которого она вышла замуж только ради исполнения высшей воли. Каждое утро Филипп появлялся из своих покоев с видом озабоченного человека, не понимающего, что происходит.

Однажды ночью, лежа на супружеском ложе, он случайно дотронулся до ноги своей жены и неприятно удивился, что она так холодна.

– Как можешь ты говорить, что у меня холодное тело, – ответила с иронией Олимпиада, – если ты даже не прикоснулся ко мне?

Тогда Филипп откинул одеяло. Увиденное повергло его в дикий ужас. На кровати между ним и женой, свернувшись в клубок, спала огромная змея. Он схватился за кинжал. Олимпиада фурией кинулась на него, повисла на руке и отвела смертельный удар от священной змеи, подаренной ей жрецами. Филипп продолжал неистовствовать. Пытаясь унять его гнев, Олимпиада принялась кричать, что если он испугался столь беззащитного существа, прирученного женщиной, то, значит, он трус. Поднять руку на священное животное – это чудовищное кощунство. Разве он не знает, что сам бог Зевс-Амон может принимать образ змеи? Если Филипп посмеет убить ее змею, она никогда больше не подпустит его близко к себе. Пусть помнит, что решившегося на святотатство ждет самая страшная кара. В ссоре Олимпиада исцарапала ему лицо. Напуганный яростью жены и неожиданным открытием, Филипп, схватив свои одежды в охапку, бежал из покоев. Его крики подняли на ноги всех во дворце.

– Мало того что я взял в жены проститутку, она оказалась к тому же ведьмой и сумасшедшей. Никогда больше я не стану спать рядом со змеей!

Успокоившись, Филипп отправился к своей любовнице, искренне радуясь, что не поспешил выгнать ее из дворца.

На следующее утро он выставил стражу у дверей покоев Олимпиады. С этой поры она стала жить под строгим надзором. Филипп перестал ей доверять, подозревая, что под личиной показной религиозности она скрывает любовные свя-

зи с другими мужчинами. Сам он наносил ей лишь короткие визиты, всегда являлся днем и при оружии. Прежде чем войти, он, припав глазом к щели в дверях, долго наблюдал за происходящим в покоях. Однажды ему удалось подсмотреть, как его жена лежала нагая на ложе в обнимку с любимой змеей. Он с отвращением наблюдал за актом любви, в котором место законного супруга занимал змей. В смятении Филипп прибежал ко мне.

— У меня создалось впечатление, — сказал он, — что в своем собственном доме я играю роль Амфитриона. Что это — капризы и развращенность безумной или от меня что-то скрывают? И почему каждый раз, когда я вижу Олимпиаду, она так презрительно и вызывающе ведет себя, утверждая, что ее мало тяготит положение пленницы, ибо ребенок, которого она носит под сердцем, будет самым сильным после Геракла, превзойдет меня во всем и ничем не будет похож на меня? Мне надоело ходить в дураках, я хочу знать правду.

— Тогда обращай к самим богам и пошли за оракулом, — посоветовал я ему.

После этого разговора один из секретарей царского двора, мегаполитанец Херон, был отправлен в Дельфы, дабы рассказать о происшедшем жрецам и выслушать предсказания пифии. Через несколько дней Херон вернулся с ответом оракула, который жрецы истолковали ему так: «Из всех богов Филипп должен больше всех почитать Зевса-Амона, и ему следует ждать наказания за то, что он застал этого бога во

время совокупления со своей женой»¹¹.

Радость Олимпиады была беспредельна. Она гордилась своей беременностью, ставшей уже заметной, и, не смущаясь, говорила каждому, что носит ребенка от Зевса. В те дни она усердствовала в жертвоприношениях и молитвах, долгие часы проводила в состоянии священного экстаза, дабы наполнить душу ребенка божественным.

Я старался несколько усмирить ее гордыню, но не мог помешать ей использовать малейший повод поиздеваться над Филиппом, показать ему свое презрение. Считая свою особу

¹¹ «...ему следует ждать наказания за то, что он застал этого бога во время совокупления со своей женой». – В таком ответе дельфийских жрецов нет ничего удивительного и мистического. Символика змеи постоянно присутствует в античных верованиях. Если в Библии змее отводится только роль искушителя, то в другой иудейской вере, восходящей к вавилонскому Талмуду (существовавшему, следовательно, примерно в 600 г. до н. э. в стране, исповедовавшей культ Амона, в которой иудеи были на положении пленников), змея искушает Еву до супружеской измены и совершает с нею половой акт. Эта традиция обнаруживается в протоевангелии Иакова, когда Иосиф, «возвращаясь со своих строек» (что дает основание предполагать, что он был далеко не бедным плотником, как принято считать), при виде шестимесячной беременности Марии начинает жаловаться: «С каким лицом осмелюсь я смотреть на моего Господа Бога? И с какой молитвой можно к Нему обратиться, чтобы Он простил эту девушку? Ведь я получил ее девственницей из храма и не углядел! Кто совершил это бесчестие в моем доме и запятнал позором девственницу? И как могла повториться в моем случае история с Адамом? Как и в том случае, когда пришел змей, увидел Еву и соблазнил ее, то же самое произошло и теперь». Слова ангела, явившегося Иосифу во сне: «Не беспокойся за эту деву, потому что она родит сына, который спасет свой народ», – можно считать предсказанием. Иной ответ дельфийского оракула наверняка заставил бы Филиппа отвергнуть Олимпиаду, подобно тому как Иосиф выгнал бы Марию, если бы не было предсказания во сне.

неприкосновенной благодаря божественному покровительству, она, как оса, не переставала жалить Филиппа и раздражать его своим вызывающим поведением.

Приближенным тяжело было видеть, как этот высокий смуглый атлет в расцвете сил, хороший законодатель и храбрый воин, предприимчивый правитель государства и умный дипломат стал предметом насмешек шестнадцатилетней девицы с худыми руками и каким-то особым блеском в глазах, которой не хватало скромности перед величием своей судьбы. Я знал, какую несчастную жизнь она себе уготовила.

Регент был мрачен. Теперь к его тревогам добавился суеверный страх. Он с беспокойством следил за окружающими, пытаясь угадать их мысли. О некоторых вещах в его присутствии боялись говорить. Как бы ни был слаб Филипп в церковных науках, он знал, что ребенок божественного происхождения должен также иметь земного отца, что божественное начало воплощается в мужском семени. Ему не давал покоя сон, в котором он видел опечатанный бурдюк. Я посоветовал ему не придавать чрезмерно большого значения словам Олимпиады, ставя ей в вину лишь ее молодость и сан служительницы бога. Дабы развеять его сомнения, я дал ему мудрый совет: «Ничто не мешает тебе считать себя земным отцом ребенка. Гордись, что выбор Зевса пал на тебя и твою жену». Эта версия повсюду распространялась мной и священнослужителями. Люди очень набожные, ободренные предсказаниями, поверили этому толкованию, другие

усомнились в нем. Филипп согласился принять это объяснение, с тем чтобы положить конец своим тревогам и сохранить честь государственного мужа незапятнанной перед лицом придворных и народа. Ведь он не имел никаких доказательств ни за, ни против. Но лучше всего его могло бы утешить хоть малейшее проявление благосклонности к нему со стороны Олимпиады.

Весной спокойствие в государстве нарушилось ураганными штормами у побережья и сильными землетрясениями, от которых пострадало множество строений. Филипп воспринял эти стихийные бедствия как дурное предзнаменование, касающееся его лично, и усматривал таинственную связь между обрушивавшимися на страну напастями и своим неудачным браком. Получая отовсюду плохие вести, он думал, что эти удары судьбы есть расплата за ошибку, которую он совершил, женившись на заклинательнице змей и колдунье.

Он использовал первую представившуюся возможность, чтобы удалиться от домашних невзгод. На границах Македонии стало беспокойно. Я изучил предзнаменования, которые, по счастью, оказались добрыми. Тогда Филипп без промедления направил на север армию под командованием Пармениона, а сам поспешил отбыть в Халкидику, где шли военные действия. Таким образом, когда в начале лета настало время Олимпиаде разрешиться от бремени, Филипп был далеко.

IX

Под знаком Овна

Примерно за одиннадцать тысяч пятьсот лет до той поры¹², о которой я веду рассказ, последние из живших на зем-

¹² *Примерно за одиннадцать тысяч пятьсот лет до той поры...* – Когда Геродот учился в Египте в первой половине V в. до н. э., жрецы утверждали, что никакой бог не появлялся на земле вот уже 11 340 лет. Речь идет, разумеется, не о полубогах или сыновьях богов, каковыми являются фараоны, а о настоящих богах в человеческом облике. Это заявление и его поразительная точность наводят на размышления, особенно если сопоставить его с древней традицией золотого века человечества и с эпохой гигантов. По-видимому, в древних верованиях существовало представление о том, что жизнь человечества подчиняется циклу великого вселенского года продолжительностью 24 или 25 тысяч лет, в котором периоды упадка сменяются подъемом. Наивысший расцвет приходится на период между эрами созвездий Весов и Девы, а упадок наблюдается при переходе от Овна к Рыбам. Между этими двумя полюсами расцвета и упадка человечество якобы проходит период медленного угасания своего величия, который длится полцикла, или примерно 12 тысяч лет, а во второй половине цикла происходит постепенный подъем к высшей стадии процветания. Исходя из такого представления, ход человеческой цивилизации можно изобразить не на основе упрощенной и постоянно опровергаемой концепции неуклонного развития, а как подверженный эволюции и инволюции. Это, впрочем, не противоречит принятому графическому изображению развития цивилизации в форме правильной спирали, наклонной и восходящей, у которой вершина каждого нового витка, совершаемого за 24 тысячи лет, будет выше вершины витка предшествующего. Во всяком случае, почти нет сомнений в существовании великой доисторической всемирной цивилизации, система знаний которой и степень управления материей были распространены повсюду на планете. Слишком много следов этой цивилизации разбросано повсюду и подтверждает существование одинаковых представ-

ле богов научили людей читать судьбу, дав им знание зодиака и открыв тайные законы Вселенной.

Зодиак – это большой круг небесной сферы, по которому, как бегуны на дорожках стадиона, свершают свой путь Солнце, Луна и планеты, называемые управляющими. И так как все во Вселенной, от бесконечно большого до бесконечно малого, подчиняется одним законам, одним числам и одним движениям, судьбы народов, а также отдельно взятых

лений и символики. У этой великой цивилизации, о которой мы можем судить только по ее последним остаткам и система мысли которой так плохо поддается дешифровке, что нам хочется отрицать само ее существование, период расцвета был 12 или 14 тысяч лет назад, и именно оттуда нужно исчислять начало того, что во всех религиях называется традицией, сообщенной в откровении. Термин «ночь времен» не лишен смысла; возможно, это мы бредем в потемках. Из всех остатков доисторической цивилизации самым волнующим является зодиак, который обнаруживается во всех древних космогониях. Он волнует не меньше, чем значение пирамид, установление обелисков в построенные храмы или настенная роспись подземных залов без следов применения источников света. Составление зодиака предполагает либо наблюдение за небом в течение 24 тысяч лет на основе гениальной гипотезы, либо выполнение на основе этой же гипотезы огромного количества расчетов, требующих очень высокого уровня развития математической мысли. До нас не дошли ни приборы для ведения этих наблюдений, ни ключ к математическим расчетам. Известно только, что знаки зодиака регулярно перемещаются по отношению к одноименным зодиакальным созвездиям и что по этому перемещению, регулируемому обратным движением равноденствий, вычисляются эры, о которых говорилось выше. Совпадение знаков и созвездий происходит только в период двух тысяч лет из двадцати четырех тысяч, когда зодиакальный Овен, описав небесный круг, приходится на созвездие Овна. Самые древние остатки символики одной из эр, обнаруженные в основаниях некоторых египетских храмов, относятся к эпохе, предшествующей времени Тельца, то есть ко времени Близнецов (между 4000 и 6000 лет до н. э.). Это самый далекий след, говорящий об использовании системы зодиака.

людей можно познать, если умеешь понимать соотношение светил между собой.

Круг зодиака, по которому вращаются управляющие планеты и который сам вращается вокруг Земли, разделен на двенадцать секторов, именуемых знаками. Каждый человек отражает в себе связь, существующую между светилами в момент его рождения, а в течение всей жизни судьба его воспроизводит перемещение светил периода его рождения через двенадцать знаков зодиакального круга. Поскольку в каждой вещи есть две стороны, а единство рождается только путем соединения и борьбы двух сил, каждое существо отмечено двумя знаками зодиака: знаком, в котором находится во время его появления на свет царь светил – Солнце, и знаком, который встает на востоке небосклона и определяется в миг рождения в том месте, где ребенок издает свой первый крик. Судьбу нельзя познать, если известен только один из этих знаков.

Знаки распределены между четырьмя стихиями: воздух, земля, вода и огонь. Каждая стихия повторяется в круге три раза. Первый знак огня – Овен. Он символизирует победу солнца над тьмой, созидательное начало природы и торжество жизни. Все населяющие землю народы, получившие в далеком прошлом божественное откровение, хотя и называют по-разному знак Овна, повсюду изображают его одинаково – в виде руна, барана с рогами или ягненка.

Родившийся под знаком Овна имеет на лбу два плотных

бугорка, напоминающих растущие рога молодых барашков. Брови у него образуют правильные дуги, иногда соединяющиеся между собой в форме иероглифа зодиакального знака. Глаза расставлены широко. У него гордая осанка, голова немного наклонена вперед. В бою он всегда готов первым броситься на врага и стремится сразить предводителя войска противника. Он не отступает ни перед чем как в достижении своих личных желаний, так и при выполнении долга. Ничто не в силах противостоять его деяниям, которые порой граничат с безумством. Он подвержен глубоким переживаниям и волнениям. Самое уязвимое место рожденного под знаком Овна – голова. Стремясь к идеалу, он сжигает свою жизнь за короткое время и падает от истощения, слишком быстро растратив силы. Судьбой уготована ему смерть от лихорадки, ему суждено самому сгореть в огне, которым он воспламенил мир.

Восстановитель культа Амона должен был родиться прежде всего под знаком Овна. Нужно было также, чтобы его второй знак символизировал силу и господство в мире. Этим вторым знаком был Лев.

Х

Свет зари

В комнате роженицы, куда по распоряжению жрицы богини Деметры принесли сосуды и тазы с водой, курился ладан, музыкантши играли на тростниковых флейтах, певицы читали нараспев псалмы, священными ритмами притупляя боль родов, а почтенные матроны, следуя указаниям врача Филиппа, готовились принять ребенка. Большие светлые глаза Олимпиады были полны тревоги. С беспокойством ее взгляд, в котором угадывалась боязнь страдания, смешанная со священным экстазом, блуждал по лицам присутствующих. Мы ждали этого великого события с наступлением вечера. Я совершил обряд жертвоприношения перед роженицей.

Олимпиада первая услышала далекие раскаты грома. Запрокинув голову, она причитала: «Зевс! Зевс!» От внимания придворных не ускользнуло это совпадение, в чем увидели они подтверждение правильности толкования сновидения роженицы накануне свадьбы. Все замерли, пораженные.

Когда начались схватки, матроны подняли Олимпиаду, поддерживая ее под руки, чтобы она рожала на корточках. Я вышел на крышу дворца, где уже находились выбранные мной священник-астролог и священник, определяющий время. Ослепительные вспышки молний озаряли небеса, вре-

менами сквозь плотную завесу туч нам удавалось различать звезды. Дул сильный теплый ветер. Мы неотрывно смотрели на восток.

На террасу вбежал запыхавшийся слуга и сообщил, что только что издал первый крик родившийся мальчик. На миг нам открылся горизонт на востоке. Я не смог сдержать возглас ликования, который заглушили раскаты грома. Во многом мы, прорицатели, похожи на обычных людей. Нам тоже знакомо чувство неуверенности в наших невидимых трудах, которое присуще простым людям в их зримых делах. И нас переполняет священный восторг, когда начинают действовать вызванные нами силы.

Была как раз середина ночи¹³. Солнце, совершающее свое

¹³ *Была как раз середина ночи.* – Это могла быть ночь на 23 июля 356 г. до н. э. Если упоминание о грозе и появлении двух орлов в традиции постоянно, то в отношении точной даты рождения Александра есть сомнения. Все авторы древности дают начало месяца гекатомбеона, который на языке македонцев назывался «лой». Амиот при переводе Плутарха написал: «6 июня». Но современные авторы оспаривают правильность этой даты по нашему календарю. Следует признать, что вопрос этот чрезвычайно сложный. В каждой области Греции был свой меняющийся календарь, подобно тому как в Египте, Вавилонии и Иудее тоже были свои календари. Греческие календари, для удобства основанные на лунных месяцах, не соответствовали солнечному году. В некоторые периоды их корректировали, добавляя один месяц через каждые два-три года или три месяца раз в восемь лет. Поскольку поправка была неточной, ее исправляли путем вычитания одного месяца каждые 160 лет. Таким путем дошли до включения семи дополнительных месяцев, разнесенных по циклу в 19 лет. Но по-прежнему оставалась неточность в несколько дней. Мы увидим, как во время взятия Тира Александр сам постановил внести одну из таких поправок. Евреи, также добавлявшие в свой календарь время от времени один месяц, приняли в конечном

движение с другой стороны Земли, в этот час входило в знак

счете вавилонскую систему, основанную также на добавлении 7 месяцев в течение 19 лет. В Египте с его более точной астрономией народный календарь отставал от календаря ученых всего на один месяц в 120 лет. В Македонии во времена Филиппа год начинался осенью, между 19 сентября и 16 октября. В Афинах начало года приходилось между 25 июня и 23 июля, на месяц гекатомбеон. Но в следующий век начало этого месяца приходилось уже между 6 июня и 5 июля. У коринфян шел десятый день месяца, в то время как у афинян был только пятый. Принятие афинского календаря в качестве единого календаря греков произошло при Филиппе во время образования Коринфской лиги, но начало года осталось таким, каким оно было в Македонии. Наконец, расчет хронологии по олимпиадам был принят только с середины III в. до н. э. Потому не следует удивляться разнообразию толкований даты рождения Александра. Не оспаривается только год – 356-й. Вместе с другими историками Артур Вейгалл определяет дату рождения Александра в начале октября, опираясь в своем расчете на олимпийские бега, которые в тот год начались 27 сентября и на которых лошадь (или колесница), принадлежавшая Филиппу, якобы одержала победу и это пришлось на время рождения ребенка. В том году действительно проводились олимпийские соревнования, но не в месяце гекатомбеоне. Тогда можно предположить, что бега в Олимпии либо не были связаны с играми, проводившимися раз в четыре года, либо речь шла о соревнованиях, проводившихся в другом месте (например, спортивные игры, совпадавшие иногда по времени с олимпийскими), либо, наконец, что более всего вероятно, древние историки просто свели вместе два события, которые разделяло несколько недель. Основываясь на месте в календаре месяца гекатомбеона, Глутц придерживается традиции, относящей рождение Александра на конец июля. Эта традиция дает наибольшую гарантию точности и, кроме того, хорошо увязывается с поездкой Филиппа в Самофракию. Если Александр родился в конце июля, то он должен быть зачат в конце октября предшествующего года. В святилищах наподобие храма в Самофракии, при которых содержались культовые проститутки (эрикейский храм на Сицилии, коринфский и финикийский), большие празднества, связанные с культом Афродиты, происходили обычно примерно 23 апреля и 25 октября. Для определения даты рождения Александра производились многочисленные астрологические вычисления. Расчет, выполненный в Лондоне в 1662 г. Гедбери, относит ее к началу июля.

Льва, а на востоке поднимался Овен. Амон этими знаками определял будущую судьбу своего сына.

Мы уже завершали свои наблюдения, когда разразился сильнейший ливень. Мы спустились с крыши дворца, промокшие до нитки. Во внутреннем дворе ко мне подошел кузен Олимпиады, человек довольно бедный, но строгих правил, которого эфирский царь Александр назначил в свиту своей сестры. Он указал пальцем на два темных силуэта на крыше дворца.

– Прорицатель, – спросил он, – заметил ли ты этих птиц, что прилетели сюда искать пристанища?

– Да, видел, – ответил я. – Это два орла, они принесли нам известие, что ребенок, который родился, будет властелином двух империй.

Тут же был послан гонец к Филиппу, в то время осаждав-

Но самыми основательными остаются выводы немецкого астролога, который на основе длительных расчетов установил, что Александр Македонский родился в ночь на 23 июля между десятью часами вечера и полночью, когда Солнце входило в созвездие Льва, а на восточном горизонте неба вставал знак Овна. Вот описание гороскопа смешанного типа Овен – Лев, которое дает один из лучших современных теоретиков астрологии Андре Барбо: «В характере господствует безраздельно горячий темперамент, который дает мощное излучение энергии боевой, смелой, щедрой. Воля тверда и авторитарна. Она утверждается независимым характером и врожденной способностью управлять людьми, особенно если это диктуется чувством высокой миссии. Ею движут высокие замыслы, щедрые и добрые свершения, яркие поступки, дела чести и престижа. Добавьте к этому неистовую потребность использовать все силы с чувством достоинства и с заразительным энтузиазмом». Никто в истории лучше Александра не соответствует этой характеристике и не носит с таким блеском звездной сигнатуры.

шему Потидею. Посланец прибыл в день взятия Филиппом города. Эта победа принесла Македонии новые владения на побережье Фракийского моря. В тот же день прибыл нарочный из Иллирии с сообщением, что полководец Филиппа Парменион выиграл крупное сражение. Чуть позже Филипп получил весть, что одна из его колесниц, участвовавшая в соревнованиях, выиграла главный приз.

Преисполненный радости от блестящих побед, он благожелательно воспринял новость о рождении ребенка. Со времени поездки в Самофракию прошло девять месяцев. Филипп вздохнул с облегчением, ибо этот подсчет развеял мучившие его сомнения. Пока он находился вдали от Олимпиады, душа его успокоилась и другие дела занимали его мысли. Все в один голос уверяли его, что родившийся при таком славном стечении обстоятельств сын обязательно будет великим полководцем. Филипп старался казаться довольным, несмотря на то что честь отцовства ему пришлось разделить с Зевсом!

Он спросил, как называли ребенка.

– С твоего согласия, государь, – ответил посланец, – его будут звать Александром, как твоего покойного старшего брата и как дядю твоего сына, царя Эпира.

– Тогда вся семья будет довольна... Пусть подадут вина для жертвенных возлияний в честь моего сына... и его отца, – произнес Филипп, указывая взглядом на солнце. Он пребывал в хорошем настроении.

Потом ход мыслей его изменился, он стал обдумывать, как

обосноваться в новой крепости, и строил планы своих дальнейших завоеваний.

XI

Пожар в Эфесе

Спустя некоторое время после рождения Александра я оказался в храме Афитиса, где вместе со служителями культа Амона изучал расположение светил, дабы предсказывать будущее. Однажды в ворота монастыря, где мы жили, постучал неизвестный. Мы его никогда раньше не видели. На нем были длинные одежды азиатского покроя, и выглядел он как богатый путешественник.

Незнакомец рассказал нам, что он купец, выходец из Милета в Карики, страны, находящейся по другую сторону моря, что приехал он из Эфеса, где был по торговым делам. Чужестранец поведал далее о большом горе, постигшем жителей города. На шестую ночь месяца, который уже был на исходе, случился сильный пожар. Сгорел дотла великий храм богини Артемиды, который служил центром ее культа.

– Поскольку я ехал в вашу сторону, маги Эфеса поручили мне сообщить вам об этом несчастье¹⁴. Они просили повто-

¹⁴ ...маги Эфеса поручили мне сообщить вам об этом несчастье. – Трудно удержаться от сравнений пророчества магов Эфеса, которое распространяли их посланцы, с посещением волхвами Иудеи после рождения Христа. Этому посещению, которое склонны считать небылицей или выдумкой, призванной оправдать мессианские предсказания, наоборот, находится по аналогии свое подтверждение. Во-первых, в христианском Священном Писании говорится о магах, а не о волхвах; царскую корону, очевидно, им добавила народная фантазия (фран-

рить слово в слово следующее: «В ту ночь где-то в мире зажегся факел, пламя которого охватит весь Восток». Они поручили своим посланцам разнести эту весть во все страны.

На этом купец из Милета откланялся и удалился.

Когда он исчез из виду, скрывшись в монастырской дубовой роще, мы долго стояли в глубоком раздумье.

пузское словосочетание «rois mages» можно перевести буквально как «волшебные цари»). Они принесли с собой ладан и ароматическую смолу – предметы, используемые в литургии. Далее, первоначальная письменная традиция, которой придерживаются первые художественно обработанные писания, гласит, что маги навестили Иисуса на втором году жизни, а не в день его появления на свет, что более достоверно и дает странствующим служителям культа время на совершение этого путешествия. Один из них якобы пришел из Персии, другой – с окраин Индии, а третий – с берегов Аравии. Хотя в географическом отношении точности нет, все эти места соответствуют областям древней империи персов. Они могли прийти в Иудею в разное время, или оказаться там вместе по делам культа, или встретиться на какой-нибудь общей почтовой станции их маршрутов. Их сходные пророчества, несомненно, вызвали беспокойство у царя Ирода, подобно тому как предсказания о Моисее встревожили фараона. И ничто не мешает нам думать, что маги пришли признать ребенка примерно так же, как тибетские ламы определяют и признают нового далай-ламу. Наконец, их слова в Священном Писании: «Мы видели, как его звезда вставала на Востоке...» – содержат явную ссылку на астрологию. Как и в случае с Александром, речь идет о рождении исключительном, необычайном, предсказанном заранее путем астрологических расчетов.

XII

Стрела Амона

Боги без конца загадывают загадки людям, и они в поисках ответа обращаются к прорицателям, но боги, забавляясь, также порой морочат голову и вводят в заблуждение прорицателей.

Когда я пришел сообщить Олимпиаде о предсказании мудрецов из Эфеса, она подвела меня к колыбели, где лежал ребенок, и спросила:

– Как ты объяснишь этот знак, прорицатель?

Сначала я не понял, что она имела в виду. Передо мной лежал младенец с розовой кожей, круглой головкой, покрытой золотистым пушком, с уже очерченным подбородком и двумя едва заметными бугорками над дугами бровей. Я залюбовался будущим властелином мира. Это разные вещи: предсказать по звездам чудесную судьбу человека и лицезреть его в первые дни жизни, когда он ничем не отличается от других детей рода человеческого. Для меня тайна заключалась не столько в движении планет, сколько в развитии этого хрупкого существа, которое уже дышало, но было еще не в состоянии мыслить.

Ребенок открыл глаза и стал пристально меня рассматривать. И тут я впервые заметил, что глаза у него разного цвета: левый глаз был светлым и голубым, правый – темным и

карим.

— Я не знаю, что бы это могло означать, — ответил я Олимпиаде. — Ни в книгах, ни в храмах я об этом ничего не читал и не слышал. Могу тебе только сказать, что если ребенок уже с самого рождения задает прорицателям вопрос, на который у них не находится ответа, то он, несомненно, превзойдет их своим умом. Всю жизнь глаза эти будут неразрешимой загадкой для всех, на кого упадет их взгляд, и, пока люди в недоумении будут искать отгадку, он сумеет завладеть их волей.

Филипп по-прежнему находился вдали от дома, он отсутствовал в Пелле уже восемнадцать месяцев. Все это время регент провел в завоевательных походах, находя в битвах истинное удовольствие. Ничто не могло заставить его поторопиться увидеть сына, которого родила молодая жена. Впрочем, он уже не в первый раз становился отцом. От женщины с севера по имени Одата, которая некоторое время находилась при Филиппе, когда он воевал со сторонниками своей матери в горах Линкестиды, у него была дочь Кинна. Девочке в ту пору исполнилось три года, и она воспитывалась в женском приюте, совершенно забытая отцом. Другую любовницу, Арсиною, Филипп быстро выдал замуж за Лага, одного из своих подчиненных, который благодаря этой женитьбе стал быстро преуспевать в карьере. Первого сына Лага и Арсиной, названного Птолемеем, все считали ребенком Филиппа.

Как только какая-нибудь любовница ему надоедала, Филипп тут же терял интерес не только к ней, но и к ребен-

ку, жизнь которому он подарил. Поскольку он часто менял предмет своей страсти, получалось, что он забывал о ребенке еще до того, как тот появлялся на свет.

Олимпиада не любила Филиппа, но раздражалась всякий раз, когда узнавала об очередной любовнице своего супруга. Она не ждала его возвращения, но в то же время ее обижало, что он не может найти несколько дней, чтобы навестить ее в Пелле. До рождения сына она заставляла Филиппа сомневаться в том, что он действительно является отцом ребенка, теперь же она упрекала его в небрежном отношении к отцовским обязанностям. Прошло еще так мало времени после замужества, а ее уже одолели злоба и обида, которые обычно накапливаются за долгую и несложившуюся совместную жизнь. Она знала, что находится под пристальным надзором, из-за чего любовные связи с другими мужчинами для нее были невозможны; впрочем, о них она и не помышляла. В восемнадцать лет она уже исполнила предназначение, ради которого родилась. Отныне все, что она задумала бы предпринять, обернулось бы против нее несчастьем, несчастьем существования, ненужного судьбе. Лишенная общества женщин, она проводила много времени перед маленьким алтарем в честь Зевса-Амона, который был сооружен в ее покоях, жгла ладан, распевала гимны, исполняла, как прежде, ритуальные танцы в честь того невидимого возлюбленного, который никогда больше не навестит ее, и своего сына от бога. Малыш, сидя на ковре, смотрел на нее глазами разного цвета

и ничего не понимал.

Кормилицей Александра была молодая женщина из знатной семьи, сестра одного из молодых офицеров дворцовой охраны, по имени Гелланика. Александр сильно привязался к ней, и она любила его не меньше, чем своих родных детей, а может быть, даже больше.

Конец этого года и весь следующий год Филипп провел в походах. Сначала он воевал на севере с племенами Пеонии, затем на западе, где нанес окончательное поражение иллирийцам, после чего пересек все свои земли с запада на восток и спустился к побережью Эгейского моря с целью захватить город Мефон, который вместе с городом Пидна был афинской колонией, образовавшей независимый анклав в южной части Македонии. К его удивлению, жители закрыли городские ворота и отказались добровольно сдаться на милость Филиппа. Регент вынужден был начать осаду. Стояла зима. Холод, грязь, бездеятельное пребывание в лагере, разбитом у крепостной стены, раздражали его, привыкшего к скорым победам. Филипп вызвал меня в свою ставку. Вне себя от злости на прорицателя, сопровождавшего его в этом походе, который, по его словам, оказался глупцом и проявил такие же способности в предсказании по печени животных, какими наделен любой деревенский мясник, он встретил меня словами:

– Я хочу взять этот город и готов заплатить за эту победу самую дорогую цену.

Те, кто делает такие заявления, не ведают, что говорят. Я совершил жертвоприношение и, тщательно изучив внутренности жертв и предзнаменования, ответил Филиппу:

– Ты возьмешь этот город, если так велико твое желание. Не ищи жертвы, которую ты готов воздать за это богам, боги выберут ее сами. Приходится всегда чем-то поступаться, если хочешь добиться желаемого. Можешь завтра начинать штурм.

Филипп был настроен столь решительно против непокорного города, что на следующий день, едва его солдаты успели взобраться на крепостные стены, он приказал убрать лестницы, отрезав им таким образом путь к отступлению и вынудив сражаться до победы, в противном случае воины оказались бы сброшенными в крепостной ров.

В азарте сражения он забыл о собственной безопасности. Стрела, пущенная одним из защитников города, попала Филиппу в лицо, повредила щеку, разорвала веко и лишила его глаза. Впоследствии виновника, которого звали Астер, отыскали. Город Филипп взял, но лицо его осталось обезображенным до конца дней.

Ожидали, что из мести Филипп уничтожит всех жителей города, но он в достаточной степени владел собой и понимал, какую реакцию могла бы повлечь за собой подобная жестокость в Афинах. Он приказал не трогать афинских поселенцев в Мефоне и дал им возможность бежать. Затем он спалил город дотла и решил вернуться в Пеллу.

По пути домой рана его еще кровоточила и причиняла мучительную боль. Всю дорогу он размышлял об ответе дельфийского оракула о наказании, которое ему было обещано за то, что он застал Зевса в образе змеи в постели своей жены.

— Я подсматривал в щель именно этим глазом, — признавался он своим приближенным.

Многие не сомневались, что стрелу мефонца направляла твердая рука Зевса-Амона.

После возвращения домой Филипп, ко всеобщему удивлению, не проявил никакой враждебности к своей жене. Напротив, постигшее несчастье приблизило его к ней. Когда Филипп пришел навестить Олимпиаду, он первым делом снял повязку, чтобы показать ей пустую глазницу и разорванное веко, заверяя жену, что сожалеет о прошлых ссорах и о несправедливой суровости по отношению к ней. Он восхищался красотой супруги, всячески выказывая ей свое доброе отношение. Может быть, он поступал так не из любви, а из осторожности или опасения, что никогда уже не будет нравиться женщинам. Изуродованный победитель просил мира.

Как ни странно, Олимпиада тоже испытала доселе неведомое ей теплое чувство к супругу, вернувшемуся к ней укрощенным, кающимся, на израненном лице которого она видела знак своего торжества. Если Олимпиада и любила его когда-нибудь, то это было именно в те несколько недель после возвращения Филиппа.

С маленьким Александром, который начал ходить, Филипп обращался как отец. Он был доволен, что в доме появился сын. Ему нравилось подолгу смотреть на здорового ребенка, не отличающегося от других детей ничем, кроме цвета кожи и глаз.

– Эй, сын мой, – говорил он ему. – У тебя один глаз светлый, другой темный. Посмотри, у меня тоже было два глаза, но одинакового цвета, а теперь остался только один.

Видя перед собой великана в доспехах, с черной бородой и повязкой на лбу, который смотрел на него одним глазом, уже помутившимся от пристрастия к вину, малыш с воплями убегал. Филиппа это огорчало. С настойчивостью, присущей людям, внушающим страх детям и добывающимся их любви, он преследовал мальчика и навязывал ему свои ласки. Ребенок искал убежища, забираясь на руки к кормилице.

– Вижу, – говорил ему Филипп, – что ты меня не любишь. И все-таки надо, чтобы ты ко мне привык.

В те дни Олимпиада не брала на ночь змею в свою постель. После долгого одиночества эта женщина, слишком рано посвященная во все таинства науки любви, обрела наконец простое человеческое счастье, чувствуя рядом со своим телом горячее тело мужчины. Вскоре она снова забеременела. На этот раз отцовства Филиппа уже никто не оспаривал.

Но люди с неуживчивыми характерами недолго живут иллюзией обретенного счастья. После короткого затишья в семье снова начались ссоры и разлад. Супруги постоянно раз-

дражали друг друга. Грубые манеры Филиппа, ставшие еще несноснее за время походной жизни, оскорбляли Олимпиаду, а вид пустой глазницы вскоре начал вызывать у нее отвращение. Со своей стороны, Филипп с трудом терпел общество жены, кичившейся своей принадлежностью к миру богов.

Теперь на супружеском ложе их разделяла не змея, а ревность к прошлому. Бранные крики супругов были слышны на весь дворец. Филипп обвинял свою жену в том, что в недавнем прошлом она без разбору спала со всеми мужчинами. Она отвечала, что ему было известно об этом до женитьбы, что никто не заставлял его соглашаться на этот брак. Впрочем, Филипп никогда не взял бы ее в жены, если бы не был склонен к разврату. Она была достаточно изворотлива и в этих ссорах не позволяла ему больше ставить под сомнение происхождение родившегося ребенка, всегда умея дать твердый отпор как обвинениям, так и богохульству.

Не дождавшись лета, Филипп снова отправился на войну. Осенью родилась его дочь Клеопатра.

XIII

Второй гончар

Я уже рассказывал, что бог Хнум, небесный гончар, с помощью богини Исиды лепит на небесах двойника божественного ребенка и сажает его на колени бога Амона, в то время как тело ребенка создается на земле.

Когда двойник воссоединяется с плотью, ребенок появляется на свет. Сначала он беспомощен и ничего не знает, потому нужен второй гончар, который будет лепить его характер и придавать телу определенную форму. Судьба – это второе «я» человека, опережающее его, с которым он сливается на каждом шагу своей жизни в единое целое. Поэтому каждый день похож на новое рождение.

Когда лепят на небесах судьбу человека, то готовят не только его самого к выполнению предназначения, определенного судьбой, но готовят также и тех, кто будет служить ему, выбирают друзей, союзников, соратников, а также удаляют тех, кто мог бы оказать пагубное влияние. Все это следует предусмотреть заранее, не дожидаясь появления неожиданного врага или отсутствия поддержки верного слуги в трудную минуту.

Это дело требует предсказания будущего людей не только по светилам, но также по лицу и сердцу.

Роль второго гончара Александра довелось исполнять

мне. Олимпиада помогала мне, как Хнуму помогала Исида.

XIV

Клит и Арридей

Самым близким другом Александра был Клит, тот самый молодой офицер дворцовой охраны, который приходился братом кормилице Гелланике. Его прозвали Черным из-за темного цвета кожи и черных как смоль волос.

Если суровый вид Филиппа пугал юного царевича, то общество Клита Черного не было ему неприятно, скорее наоборот. С тех пор как Александр начал ходить, часто видели, как он бегал за Клитом по залам дворца, играл с ножнами его меча или хватал его за ремешки сандалий. Он покидал объятия своей кормилицы, желая лишний раз подержаться за сильную теплую руку офицера.

Однажды я сказал Олимпиаде:

– Молодой Клит в тебя тайно влюблен. Никогда не уступай ему, ни в апрельские, ни в октябрьские ночи, когда в тебе наиболее сильно пробуждается Афродита. Лучше предложи ему дружбу и дай понять, что ты тоже могла бы его полюбить, если бы вас не разделяли непреодолимые преграды. Тогда он перенесет свою преданность и любовь на твоего сына и будет его верным защитником. Посмотри, уже сейчас он к нему привязан больше, нежели к маленькому Протею, сыну своей сестры! Когда он гладит по головке Александра, он как будто ласкает свою мечту. Доверяй ему почаще сво-

его сына. В первые годы ребенку не нужен слишком умный наставник, ему нужен человек простой и честный, которому он будет стремиться подражать и силой которого будет восхищаться, не испытывая перед ней ни малейшего страха. Пусть Александр проводит побольше времени с Клитом, дабы познал он рядом с ним простые земные радости жизни: ощутил прелесть прогулок по каменистым тропам, вкус свежей воды из чистейших источников, блаженство барахтаться в нежной зеленой траве. Чтобы научить словам «хлеб», «листва», «птица», «фрукты», не надо высокого ума, просто нужен человек, который любит тебя, любит жизнь и хочет, чтобы ты ее тоже полюбил всем сердцем.

В возрасте с двух до шести лет Александр неотлучно сопровождал Клита, наблюдал за тем, как тот чистит лошадей в дворцовой конюшне, приводит в надлежащий порядок оружие, разгружает подводы с богатыми трофеями, захваченными Филиппом во время походов.

– Твой отец большой полководец, – часто говорил Клит ребенку.

Временами молодой офицер испытывал жгучий стыд от того, что он, полный сил и энергии воин, отсиживается в тихой столице, в то время как где-то далеко сражаются его товарищи.

– Клит, – говорил я ему, – поверь прорицателю. На твою долю еще хватит сражений и побед. Нынешние самые прославленные воины еще будут завидовать тебе. Но эту славу,

которая сделает тебя знаменитейшим человеком в государстве, ты добудешь не с Филиппом, а вот с этим ребенком, который сейчас путается у тебя под ногами. Не пытайся опередить самого себя.

Клит, подхватив маленького Александра на руки, сажал его на смирную лошадь и обучал первым навыкам верховой езды. Он брал мальчика с собой в загородные поездки, показывал ему убегающих в поля зайцев, находил выводок птиц. Когда на закате я видел Клита, возвращающегося после прогулки с ребенком, заснувшим от усталости крепким сном на его могучих руках, у меня сжималось сердце, ибо я уже тогда ясно видел будущее. Я предчувствовал, что однажды этот ребенок убьет своего любимого воспитателя безжалостным ударом копья в грудь, к которой он сейчас так нежно прижимает свою золотистую головку.

Я тоже много времени проводил с Александром, показывал ему разные забавные фокусы, какими обычно изумляют толпу на рыночных площадях странники из Египта, Иудеи и Вавилонии. Эти трюки для нас не представляют никакого труда, они всего лишь невинные развлечения, присущие нашему духовному сану. Я заставлял исчезать предметы перед его глазами, брал один хлебец, а протягивал малышу двадцать. Я разрезал веревку на мелкие кусочки и тут же возвращал ему ее невредимой. Я изменял цвет воды в кувшине, наделял камень ароматом розы. Я прокалывал свою щеку длинной иглой и заставлял ковер взлетать к потолку.

Каждый прорицатель чуть-чуть волшебник. Таким образом я пробуждал в сознании Александра беспокойство перед лицом сверхъестественного.

Вскоре я начал водить его в храм и разучивать с ним имена богов. Я научил его произносить эти имена так, как это делают служители культа, придавая волшебным словам интонации, приводящие в действие силы, которыми наделены эти боги. Ибо слово – это энергия. Я позволял Александру присутствовать на ритуалах жертвоприношения, посвящал его в таинства гадания по внутренностям принесенных в жертву животных. Еще не научившись читать, он уже умел распознавать по печени принесенного в жертву животного основные признаки предзнаменований.

Свой день Александр завершал в покоях матери, где всегда курился фимиам. Ему нравилось быть рядом с ней, такой молодой и красивой, смотреть, как она, с отсутствующим взглядом сидя на скамеечке с ножками из слоновой кости, прядет шерсть. Когда в покоях появлялся сын, Олимпиада откладывала веретено в сторону и заключала Александра в свои объятия. Он с восхищением вдыхал изысканный аромат ее дорогих духов.

Она мало интересовалась своей дочерью Клеопатрой, которую чаще всего оставляла на попечение служанок. В то же время Олимпиада радела обо всем, что касалось ее сына. Она подолгу любовалась Александром. В эти минуты в глазах ее появлялся синеватый металлический блеск. Она уво-

дила ребенка в глубину покоев к жертвеннику, где день и ночь горел священный огонь и курились благовония. Присев на корточки, с распущенными волосами, с ладонями, простертыми вверх, – этого, согласно ритуалу, требовало поклонение, – она низким голосом произносила волшебные заклинания. Эти интонации напоминали Александру звуки, ранее услышанные в храме.

– Что ты делаешь, мать? – спрашивал он.

– Я обращаюсь к твоему отцу и прошу у него для тебя благословения.

– А где же мой отец?

– Он здесь, – отвечала Олимпиада, показывая на алтарь, – как и повсюду в мире, на Солнце и на звездах.

Александр не понимал, как этот отец, о котором ему говорили, в одно и то же время мог жить в тесной дарохранительнице, стоявшей на мраморном столике у алтаря, и быть увенчанным победами полководцем с повязкой на глазу, который внушал ему ужас, иногда появляясь во дворце. Но вскоре ребенок свыкся с мыслью, что можно иметь двух отцов: одного на земле, другого на небесах.

Значительно расширив границы владений Македонии вдоль побережья Эгейского моря за счет афинских колоний, Филипп впервые вторгся в земли Греции.

Большой совет дельфийской амфикинии¹⁵ объединял

¹⁵ *Большой совет дельфийской амфикинии...* – Сущность Совета амфики-

в союз основные государства Центральной Греции в целях совместной защиты их интересов и свобод. Этот союз, часто раздираемый внутренними противоречиями, оказался в состоянии войны с коалицией, в которую входили Фокида и Фессалия. Фиванское войско, считавшееся в союзе лучшим, потерпело поражение. Находясь под угрозой гибели, Большой совет впервые обратился за помощью к Македонии.

Филипп увидел в этом обращении возможность добить-

онии (в переводе с древнегреческого «совет живущих вокруг») можно понять только в сравнении с современными международными организациями: общество нации, военные союзы, Организация Североатлантического договора, ООН. Принципы учреждения так же трудны для объяснения, функционирование такое же сложное, а эффективность так же ненадежна. Совет был образован из представителей примерно 12 государств (общин) Центральной Греции, его заседания проводились два раза в год в Дельфах. На них разбирались споры между участниками, шел поиск мирного разрешения конфликтов, рассматривались всякие тяжбы, особенно покушения на права граждан и на церковное право. Совет мог принять решение о применении санкции, которое всегда болезненно воспринималось понесшей наказание страной, объявить о мобилизации армий коалиции для борьбы с внешним врагом или подавления одной из стран-участниц, отказавшейся подчиниться общему решению. Именно так было в случае с Фокидой и Фессалией, в конфликт которых вмешался Филипп и причиной которого было оспаривание суверенитета. Война, которая последовала за принятием этого решения, называлась священной. Однако нескончаемость дебатов, медлительность процедуры, длительность мобилизации войска и трудности с назначением единого командования могли свести на нет усилия организации, не лишенной определенных положительных черт. Господствующее положение в совете занимала самая сильная в военном отношении Беотия со столицей в Фивах. Она соперничала с Фессалией, имевшей самую обширную территорию, но менее развитой. Афины не входили в Совет дельфийской амфикинии. Несколько лет спустя они войдут в состав Коринфского совета, созданного под эгидой Македонии.

ся от греческих общин признания законности своего завоевания Фракии и права войти в их сообщество в роли спасителя. В случае успеха Македонию перестали бы считать полуварварской страной, а признали бы как дружественное с эллинскими землями государство. Филипп уже видел себя освободителем и заступником, чинно входящим в дельфийский храм с пальмовой ветвью священного совета.

Он собрал войско и двинулся на юг. Поспешив начать боевые действия с фессалийским тираном, Филипп совершил роковую ошибку, а потому сам потерпел поражение и вынужден был в беспорядке отступать к границам Македонии. Своим воинам, пребывающим в смятении, и горько разочарованным союзникам Филипп объяснил, что поражение было всего лишь стратегическим маневром. Он сравнивал свою тактику с действиями барана, который отходит назад, с тем чтобы разбежаться и вышибить ворота крепости. Так и он отступил только для того, чтобы ударить с большей силой. Произнести эти слова было нетрудно, другое дело – исполнить сказанное.

Он приказал своим воинам украсить головы лавровыми венками, подобно тому как это делают священные ратники. Хороший оратор, Филипп вселил в их сердца религиозное усердие и сам, кривой, бородатый защитник богов и свободы, возглавив войско, решительно повел его в наступление на врага. Противник был наголову разбит на берегу залива Пагас. Ономарх, главнокомандующий войском Фокиды,

бросился в море, пытаясь вплавь добраться до корабля, проходившего неподалеку от берега. Однако ему не удалось спастись. Израненного стрелами лучников Ономарха вытащили на берег. Филипп приказал распять его, предъявив обвинение в кощунстве. В этот же день по его указу были повешены и утоплены в море три тысячи пленников.

Довольно скоро стало ясно, какие выгоды хотел извлечь Филипп из этой кампании и во что обошлась его помощь союзникам. Изгнав тирана Фессалии, он занял его место, оккупировал всю страну и аннексировал все побережье до Эвбеи, оказавшись таким образом хозяином всей Северной Греции от моря до Эпира, родины своей жены.

Филипп был готов идти дальше. Под предлогом почтить своим присутствием Большой совет Дельф, где ему должны были оказать подобающие победителю почести, Филипп собирался пройти со своим войском через Фермопилы. Тогда афиняне, доселе с беспокойством взиравшие на победы освободителя этих земель, но соблюдавшие в конфликте нейтралитет, приказали своему войску охранять знаменитый горный проход.

Антипатр, оправдывая прозвище Мудрый, с трудом уговорил вдохновленного победой Филиппа отказаться от новой затеи. Наконец регент сам признал разумность доводов приближенных и согласился довольствоваться сохранением уже завоеванного. Он знал, что в Афинах у него появился противник, оратор Демосфен. Демосфен, стоявший во гла-

ве многочисленной партии, имел большое влияние на толпу и использовал свой талант знаменитого адвоката для убеждения сограждан в опасности, которую таит в себе экспансия Македонии. Он без конца сокрушался по поводу потери афинских колоний Пангеи, Потидеи, Мефона и требовал организовать защиту колоний, над которыми нависла угроза. Чтобы предотвратить опасность новой священной войны, на этот раз против него самого, Филипп воздержался от поездки в Дельфы, где должен был получить лавровый венок. Он обосновался в фессалийской столице Лариссе и занялся вопросами налаживания системы управления своими новыми землями. Там он опять влюбился.

Дни, проведенные в Фессалии, Филиппу скрасила прелестная Филемора. Он повсюду водил ее с собой, с гордостью показывая всем окружающим, безропотно исполнял все ее желания, и вскоре все люди стали говорить, что эта женщина его околдовала. Филипп привез Филемору в Пеллу как свою официальную любовницу – она была беременна. Когда красавицу-фессалийку представили Олимпиаде, жена Филиппа, оглядев соперницу, ограничилась заявлением, что такая красота уже сама по себе кощунство и не нуждается ни в какой другой магии. Однако доброжелательство ее было притворным.

– Подождем, – сказала Олимпиада своим приближенным, – пока Филипп не пресытится ею, как другими женщинами, как некогда и мной. Подождем, когда он уедет.

Ждать пришлось недолго. Проведя в Пелле несколько недель, в течение которых он чеканил золотые монеты, готовил маршруты новых походов и пьянствовал в своем дворце, Филипп отправился во Фракию, оставив прекрасную Филемору накануне родов.

Сына, который у нее родился, назвали Арридей. Светила, сопутствовавшие ему при появлении на свет, соперничали со звездами Александра, однако это соперничество не угрожало Александру. Судьба Арридея была отмечена знаком ранней беды.

Олимпиада сказала мне:

– Сделай так, чтобы он умер.

Я дал ей понять, что убийство тщетно и даже опасно, если имеется возможность поступить иначе. Зачем брать на себя грех преступления, особенно преступления бесполезного?

– Светила предсказывают, что жизнь этого ребенка продлится примерно столько же, сколько и жизнь твоего сына. Пусть он живет, но живет так плохо, что всегда будет выглядеть как крот рядом с орлом, и пусть рядом с его темнотой и невежеством еще ярче горит свет, заложенный в Александре.

Наряду с рецептами зелий, которые укрепляют жизнь и развивают ум, есть и такие, что ослабляют рассудок и подрывают здоровье. Дурачка всегда проще сотворить, чем великого царевича.

Внебрачному сыну Филиппа стали давать медленнодей-

ствующий яд. Еще с колыбели мрак слабоумия начал стучаться в его сознании и исказил черты его лица. Таким он останется до конца жизни. Таким его увидел Филипп, когда на следующий год вернулся из похода, захватив еще тридцать шесть греческих колоний и раздвинув границы своих завоеваний до Геллеспонта и почти до окраин великой империи персов. Если когда-то он и подумывал о том, чтобы сделать Арридея соперником Александра в управлении македонскими государствами, то теперь эта мысль надолго оставила Филиппа.

XV

Враг внутри нас...

Мудрость богов через Гермеса была передана людям. Гермес изрек такие слова: «Злом от невежества переполнена вся земля. Оно развращает души людей, томящиеся в их бренных телах. Тебе нужно сорвать с себя покров невежества, который есть основа озлобленности. Невежество – это цепи зависимости, темная тюремная камера, чувственная смерть, живой труп, могила, которую ты носишь в себе, вор, который живет в твоём доме. Это спутник, который ненавидит тебя из-за вещей, которые ему нравятся, и ревнует тебя к тому, что ему не по вкусу. Таков враг, которым ты опутан, как сетью».

Нужно провести семь недель в размышлении над каждым из десяти понятий, которые служат для обозначения нашего самого большого врага – этим врагом мы являемся сами себе, – только затем можно начинать учить других.

XVI

Ахилл и серебряный шарик

Поразительно, как быстро создаются империи – и как медленно идет процесс их разрушения. А дело в том, что империи похожи на людей, которые после длительного периода становления в течение нескольких месяцев завоёвывают себе место в истории, а потом до конца дней своих живут за счет мига славы или приобретенного состояния.

Филиппу понадобилось восемь лет, чтобы в три раза увеличить территорию Македонии и сделать ее одной из самых богатых стран. Все эти восемь лет народ видел в нем мудрого царя, радеющего об интересах своего государства. Слухи о его победах приумножали его славу, и каждый раз, когда он возвращался в Пеллу, подданные встречали его ликованием.

Однако рана, обезобразившая лицо, дни, проведенные в сражениях и походах, а ночи – в пьянстве и распутстве, заметно изменили его облик. В тридцать три года он отяжелел, лицо его оплыло жиром. Он незаметно для себя стал слабеть, хотя сила его еще была велика. Однажды, когда на соревнованиях борец положил его на лопатки, он, поднявшись на ноги и оглядев вмятину на песке, которую оставило его тело, скорее удивленный, чем недовольный, сказал:

– Черт возьми! Как мало места на земле занимаю я, который хотел завоёвывать ее всю.

Эта мысль не покидала его несколько дней.

Филипп без меры сорил золотом, которое не имело для него никакой цены, потому что было украдено у других. О его расточительности ходили легенды. Бездумно разбрасываемое золото если и привлекает на время попутчиков, сохраняет рабов в повиновении, то не дает настоящих друзей и вызывает лишь зависть у приближенных.

Для того чтобы Филипп мог сохранить свою власть и в дальнейшем передать ее своему наследнику, надо было добиться признания его самого царем по священному закону. Случай для этого представился. По небу прошла комета, и священнослужители объявили, что царская корона должна быть возложена на голову Филиппа. Народ одобрил это решение.

Его племянник Аминт III, который, будучи еще ребенком, не мог оказать какого-либо серьезного противодействия, был отправлен на жительство в уединенное место. Филипп стал на деле правителем Македонии, Фессалии и других областей.

Казалось, что после восшествия на престол он хочет по-настоящему сблизиться с Олимпиадой, во всяком случае он стал более уважительно относиться к ней, поскольку теперь она была царицей. По отношению к Александру, законному наследнику престола, его поведение тоже изменилось.

Когда Александру исполнилось шесть лет, Филипп решил, что настало время выбрать ему воспитателя, и назна-

чил на эту должность некоего Лисимаха, который из-за скандальной любовной истории вынужден был покинуть царский двор Эпира.

Такой выбор представлялся более чем странным. Этот человек мало подходил на роль наставника молодого царевича. Однако Филипп, подчиняясь минутному настроению, мог предоставить должность любому, кто его забавлял. Так он, например, отдал высокую должность бывшему рабу по имени Агатокл, который умел вовремя рассмешить царя злой шуткой. Для Агатокла пришлось нанимать писарей из Афин, чтобы составить для него список приличных слов, которые принято было здесь употреблять.

Лисимах слыл напыщенным глупцом и помпезным краснобаем, который выдавал себя за жертву любви. Филипп смаковал непристойные подробности скандала, из-за которого нынешний воспитатель бежал из родной страны, спасаясь от гнева обманутого мужа. К счастью, у Лисимаха было одно большое достоинство. Не будучи широко образованным, он знал наизусть Гомера и, не заставляя себя долго упрашивать, мог на память прочесть все, им написанное. Он помнил в мельчайших подробностях «Илиаду» и «Одиссею», был сведущ в генеалогии богов и царей и рассказывал о героях Гомера, как если бы они были его близкими родственниками. Поэтому можно сказать, что первым наставником Александра был скорее Гомер, чем Лисимах.

Поэзия открывает путь для совершенствования ума, тре-

нирует память, приучает слух к гармонии звуков и обогащает мысль яркими образами.

У Лисимаха была привычка находить каждому, кого он видел, сравнение с персонажами Гомера. Это была еще и манера лести. Поскольку семья Олимпиады восходила к Ахиллу, он уверял, что Александр является живым воплощением победителя троянцев. Можно было слышать, как он говорил своему ученику:

– Молодой Ахилл, пойдите и расскажите домашнее задание божественной Фетиде, вашей матушке, и непобедимому Пелию, вашему батюшке. Потом мы пойдем гулять и переправимся через Скамандру.

Филипп не возражал, когда его называли Пелием, и каждый раз широко улыбался при упоминании этого имени. Стоило Александру при падении ободрать свои колени, как Лисимах кричал:

– Ахилл, не плачь!

И Александр глотал слезы. В детстве перед ним всегда выставляли доспехи Ахилла, и он с нетерпением ждал той поры, когда вырастет и наденет их на себя.

При распределении героических ролей Лисимах не забывал и себя. Он величал себя не иначе как Фениксом, потому что Феникс Гомера, изгнанный из Эпира из-за несчастной любви к фаворитке царя, нашел прибежище у фессалийского правителя из рода Мирмидонов, который поручил ему заняться обучением сына. Таким образом, настоящее точно

воспроизводило историю прошлого.

Обращения Лисимаха понравились придворным, и несколько месяцев царский двор в Пелле увлекался этой игрой. Придворные называли друг друга Нестором, Лаэртом, Диомедом, а врагов Македонии – не иначе как Приамом, Гектором или Парисом. Сильного человека именовали Аяксом, обесчещенного мужа – Менелаем, изворотливого советника – Улиссом. Когда я слышал у себя за спиной: «Эй, Кальх!» – я должен был понимать, что обращаются ко мне.

Этот спектакль продолжался все время, пока Филипп находился после коронации в Пелле. Вскоре, обнаружив, что остается непокоренной последняя афинская колония – сильно укрепленный город Олинф, он отправился к берегам Халкидики, бросив в Пелле двух очередных любовниц.

Как только Филипп уехал, полномочия Лисимаха ограничились. Олимпиада выбрала для своего сына нового наставника. Им был назначен ее кузен Леонид, тот самый бедный родственник, которого она взяла в свою свиту из Эпира.

Люди склонны иногда превращать свои жизненные неудачи в добродетели. Леонид питал большое уважение к своей бедности и каждому советовал соблюдать бережливость, умеренность в пище, скромность в нарядах, словно эти его качества определялись не нуждой, а составляли самую большую человеческую ценность. Такой воспитатель оказался очень полезным Александру, ибо для наследника могущественного человека нет ничего опаснее, чем располагать

привилегиями богатства, не приложив для его создания никаких усилий.

Живя с Леонидом, Александр должен был рано вставать, каждый день приходить ко мне в храм и присутствовать на ритуале жертвоприношения, совершаемого на восходе солнца, довольствоваться сытной, но простой пищей, носить одежды из грубой ткани, совершать длительные походы быстрым шагом, мало, но в строго отведенное время спать в послеобеденные часы, усиленно тренироваться, много ездить верхом, не поддаваясь усталости, и размышлять перед сном на темы морали. От такого режима у него окрепли ноги, развернулись плечи, шире стала грудь.

Леонид не стеснялся рыться в сундуках, в которых ребенок хранил свои одежды и одеяла, чтобы убедиться в том, что Олимпиада не дает сыну ничего лишнего. Александру был знаком только аромат изысканных блюд, которые готовили в дворцовой кухне. Недоверчивый наставник выискивал и отнимал сладости, которые тайком совали в руку его ученика сердобольная кормилица Гелланика и заботливый слуга.

Позднее Александр, искренне признательный своему наставнику за суровое воспитание в детстве, скажет:

– Леонид нашел мне самых лучших кулинаров, чтобы я ел с аппетитом. Ими были прогулка на заре вместо первого завтрака и легкий ужин вечером вместо обеда.

Однажды во время курения фимиама в храме, заметив,

что Александр бросает благовония горстями, Леонид резко одернул царевича и выговорил ему по поводу ненужной расточительности.

– Для богов не следует ничего жалеть, – ответил Александр, в котором уже проснулся дух противоречия. Он осмеливался возражать старшим, находя в этом удовольствие.

– Ты можешь жечь столько фимиама, сколько тебе нравится, когда ты завоюешь страны, из которых он поступает, – ответил наставник. – Царь Филипп может сорить золотом, если ему этого хочется, он для этого и захватил золотые копи горы Панги.

Только жесткий, суровый, неутомимый Леонид мог держать в руках этого ребенка, одновременно мечтательного и гневного, способного подолгу стоять и молча созерцать статуи богов и подверженного неожиданным вспышкам ярости. Бывало, если кто-то противился его желанию, Александр в гневе топал ногами, потрясая копной золотых волос, неистово катался по земле, размахивая кулаками. Леонид помнил о толковании появления орлов на крыше дворца в ночь рождения царевича. Его посвятили в некоторые тайны, приоткрыв завесу над будущим ребенка. Общаясь с Леонидом, Александр уверовал, что богатство и славу можно только завоевать, причем царскую власть следует завоевывать каждый день.

Позже, во время больших походов, Александр, казалось, никогда не страдал от жажды и голода, не уставал от долгих

переходов. Он умел управлять другими людьми, потому что прежде всего умел владеть собой. Всем этим качествам он был обязан не только необычайной силе, которой наделила его природа от рождения, но также и урокам своего воспитателя Леонида.

Александр, сформировавшийся в героической атмосфере, навеянной поэмами Гомера, испытывавший мистическое влияние матери, приученный Леонидом к суровости и выносливости, посвященный мной в великие науки, вызывал растущее восхищение окружающих.

К вечеру он валился с ног от усталости, но, вместо того чтобы дать ученику отдохнуть, Леонид ставил перед ним какую-нибудь задачу и давал ему час времени на обдумывание ответа.

– Усталость тела, – говорил он, – не должна мешать голове думать.

Чтобы сон не сморил Александра, он получал от учителя шарик и серебряную чашу. Леонид требовал, чтобы мальчик лежал на кровати, вытянув руку с шариком над стоящей на полу чашей. Если он нечаянно засыпал, шарик падал у него из рук в чашу, и от шума ребенок сразу просыпался.

Это были единственные игрушки, подаренные Леонидом своему ученику. Дни Александра отмерялись падением серебряного шарика. Так продолжалось до тех пор, пока ему не исполнилось десять лет.

XVII

Слово и речь

Ты хочешь знать, сын мой, разницу между словом и речью? Тогда слушай.

Некий честолюбивый, рассудительный человек, считающий, что ему назначено судьбой наставлять на путь истинный своих сограждан, много дней готовит большую речь, которая, по его разумению, должна убедить толпу, подсказать важные решения городским властям, в общем, изменить ход событий. Он много раз взвешивает свои доводы, ищет примеры в прошлом, оттачивает фразы, упражняется в красноречии. Вот наконец он появляется на агоре и долго выступает перед согражданами. Он бросает им обвинения в безразличии и слепоте, критикует то, что уже сделано, указывает на то, что следует свершить, призывает городские власти к незамедлительным действиям. Собравшиеся слушают. Одни одобряют, другие ругают, все спорят, но никто ничего не решает. Это речь, сын мой.

Другой человек, обученный священным наукам, садится на ступени храма и, закрыв глаза, безучастный к толпам снующих мимо людей, произносит три раза имя Амона так, как оно должно произноситься, дабы резонанс привел в движение невидимые волны. Тогда его осеняет вдохновение, у него складывается ясное представление о том, что произой-

дет, его «я» излучает деятельную силу. Такой человек может прийти к правителю города и сказать ему: «Вот что должно произойти. Прикажи сделать вот это, избегай делать вот это. Не отвергай союза, кажущегося тебе сегодня ненужным, потому что народ, который тебе его предлагает, ожидает блестящее будущее. Не веди никаких войн в этом году». Вот это и есть слово.

Придет время, и люди будут знать только речь. Они будут верить ей всей душой, не переставая удивляться, почему от нее так мало проку. Люди, утратив дар слова и разучившись пользоваться им, перестанут понимать, что оно означает. Когда кто-нибудь им напомнит, что сначала было слово, они в недоумении лишь пожмут плечами. Это будет темное и несчастливое время, сын мой, человек станет блуждать в словах родного языка, как ребенок в дремучем лесу.

XVIII

Демосфен

Почти три года Филипп осаждал Олинф. Город хорошо снабжался по морю, а прочные крепостные сооружения обеспечивали ему надежную защиту. Олинф поддерживали богатые союзники, поставлявшие горожанам необходимое подкрепление. Стрелы воинов Филиппа ломались о камни неприступной крепости и щиты ее защитников. Бездействующая македонская конница топтала поля, где лошади выщипали траву до корней. Если защитники Олинфа не могли вырваться из клещей македонян, то и Филиппу не удавалось проникнуть в город.

А в это время в Афинах один оратор вел яростную борьбу против Филиппа, пытаясь втянуть свой город в войну с целью защитить греческие колонии. Этого уже ставшего знаменитым оратора звали Демосфен.

Первого успеха Демосфен добился в молодые годы, выступив в роли адвоката в деле о собственном наследстве. Ему удалось выиграть процесс, хотя имущества он так и не получил. Чтобы заработать на жизнь, он стал писцом в суде, где готовил защитительные речи для малообразованных или плохо знающих законы людей¹⁶. Сначала ему доверяли до-

¹⁶ ...готовил защитительные речи для малообразованных или плохо знающих

вольно скандальные дела, чаще всего предлагая выступления на процессах о клевете. Случалось, его ловкость и неразборчивость в выборе аргументов приводили к несправедливому осуждению жертвы и оправданию виновного. Он слыл также хорошим советчиком в вопросах подкупа судей, знал, как можно создать необходимое общественное мнение. Демосфен работал под началом лучших учителей и риторов, из школы Платона он вынес глубокие познания в науках – все это придавало блеск его речам.

Он стал известнейшим человеком в Афинах. В то время в числе его клиентов значились люди, наживающиеся на торговле с колониями, расположенными вдоль побережья, сам он также оказался замешанным во многих политических процессах. Все эти обстоятельства способствовали тому, чтобы Демосфен всецело посвятил себя общественной деятельности, о которой мечтал с детства.

Будучи человеком в высшей степени спесивым, он доказывал свою правоту вопреки самым очевидным фактам, порой поступаясь собственными принципами.

Демосфен вознамерился завоевать славу оратора, имея

законы людей. – В афинском суде помощи адвоката, особенно при разбирательстве гражданских исков, не было, и сторона должна была сама обеспечивать себе защиту. Большинство людей это делать не умели и отдавали свое дело логографам (составителям речей), каковым был Демосфен, которые и готовили их защитительную речь. Некоторые логографы были так же знамениты и пользовались таким же спросом, как наши известные адвокаты, и получали значительные гонорары.

слабый голос и страдая заиканием. Чтобы натренировать свой голос, он забирался в подвал, где подолгу громко кричал. Так как язык его отказывался произносить некоторые звуки, Демосфен набивал рот галькой и выходил на берег моря, выбирая для занятий штормовую погоду. Здесь он истощно орал, стремясь своими воплями заглушить шум волн. Демосфен страдал одышкой. Чтобы избавиться от нее, он взбирался на холмы, декламируя Эсхила. Зная за собой дурную привычку стоять скособочившись во время выступления, без конца резко передергивая плечами, он подвесил к потолку в своей комнате тяжелый бронзовый брусок, дабы, стоя под ним, репетировать свои речи. Ударяясь каждый раз при неверном движении, он таким образом научился владеть своим телом.

Некрасивый, он, стремясь выглядеть привлекательным, старательно ухаживал за своей внешностью и почти с женской тщательностью следил за одеждой. Однако, когда ему нужно было подготовить речь, – а по своей природе он не был одарен богатым воображением и острым умом, – Демосфен брил наполовину свою голову и надолго уединялся от людей, боясь показываться в таком глупом виде. Недоброжелатели говорили, что от речей, которые он готовит долгими бессонными ночами, пахнет фитилем светильника.

Единственное, чего Демосфен никогда не мог победить в себе, было чрезмерное влечение к женщинам, которые очень редко платили ему взаимностью. Стоило любой из них, пусть

даже из бедной семьи, уступить его натиску, как эта победа вмиг опьяняла Демосфена, лишая его разума. Его секретарь говорил:

– Как можно доверять Демосфену серьезное дело? Все, над чем он раздумывал целый год, может быть развеяно женщиной за одну ночь.

Неудовлетворенным желанием быть любимым женщинами, возможно, и объяснялись его странная натура, амбиции и претензии на значительность. Рассказы о нем вызывали любопытство, а острота, отточенность и дерзость его речей собирали на его выступления толпы людей. Он был глубоко убежден, что интересы его клиентов и его собственные тесно переплетаются с интересами всего города. Получая от афинских колоний плату за принятие выгодных им законов, он стал выступать защитником их интересов в борьбе с Македонией. Он горячо доказывал благородство Афин, священное право греков на эти территории и их верность заключенным соглашениям. Для него не имело значения то, что эти земли стали колониями недавно, что колонисты удерживали там власть лишь силой оружия, безжалостно убивая местное население или обращая его в рабство, что многие коренные жители видели в Филиппе своего освободителя.

Филиппа, который платил другим ораторам в Афинах, Демосфен считал своим смертельным врагом и не прекращал вести с ним борьбу. Едва доходили слухи о сдаче какого-нибудь города во Фракии или Халкидике, как Демосфен появ-

лялся на агоре и начинал свою страстную речь с напоминания, что именно он предсказал такой печальный оборот событий. Затем оратор громогласно объявлял, что если правители не послушают его советов, то худшее ждет их впереди. Он перечислял совершенные ошибки и призывал сограждан к немедленным действиям.

– Почему наши войска всегда прибывают слишком поздно¹⁷, будь то Мефон, Пансея или Потидея? Потому что в военном деле у нас полный беспорядок, вместо контроля и сильной власти – сплошная анархия. Когда до нас доходит какое-нибудь известие, мы назначаем ответственных за снаряжение кораблей, и, если они отказываются выполнять свои обязанности, мы начинаем разбираться в том, насколько обоснован этот отказ. Потом мы начинаем обсуждать расходы. Потом мы долго размышляем, грузить на эти корабли войско из чужестранных наемников или из вольноотпущенных. Потом передумываем и сажаем на корабли греческих граждан, потом опять меняем решение. Пока мы этим занимаемся, у нас отнимают колонию, которую мы должны были защитить, потому что вместо активных действий мы только основательно готовились. Наши опоздания и отговорки вредят интересам дела. Силы, которые во время сборов нам кажутся внушительными, не способны ни на что, когда насту-

¹⁷ *Почему наши войска всегда прибывают слишком поздно...* – Выдержка из первой филиппики – обличительной речи Демосфена против македонского царя Филиппа II.

пает пора действовать.

Разве вам не стыдно, афиняне, обманывать самих себя и, откладывая самое трудное на завтра, всегда опаздывать?!

Когда вы посылаете полководца с предписанием, не имеющим силы, и словесными обещаниями, можно быть уверенным, что ничего не будет сделано. Наши враги смеются над нами, а наши союзники дрожат от страха при приближении наших кораблей.

Вы марионетки в руках Филиппа, в военных делах вы ничего не решаете сами. Вы не способны видеть наперед, пока не узнаете, что дело уже свершилось или совершается. До сих пор вам было позволено вести себя таким образом? Возможно. Но теперь настало время, когда так поступать преступно.

И тут Демосфен начинал красноречиво перечислять корабли, какие понадобятся для экспедиции, подсчитывать расходы, какие потребуются для ее организации, намечать маршруты, изображая из себя великого финансиста, морехода и стратега. Он предупреждал афинян об угрозе, нависшей над Олинфом, когда Филипп начинал уже его осаду.

Афиняне приняли делегацию олинфийцев, проголосовали за оказание помощи, однако в поход не выступили. Дело в том, что мнения граждан разделились, так как наряду с Демосфеном были ораторы, призывавшие к прямо противоположному.

Особую известность получили тексты речей старого Исо-

крата, самого знаменитого ритора своего времени, который из-за преклонного возраста (ему было девяносто лет) уже не выступал перед аудиториями, а излагал свои мысли в трактатах, которые распространялись по городу. Главным врагом Исократ считал империю персов, а будущее Греции видел в союзе ее городов. Всю свою жизнь он искал то государство и того монарха, который смог бы наконец объединить в одну большую федерацию всю эту россыпь республик, вечно соперничающих друг с другом по пустякам и своей политикой раскола обрекающих себя на упадок. В Филиппе он увидел воплощение своей мечты, человека, который силой заставит эти города подчиниться. Для него Филипп был не варвар, не чужестранец, а чистокровный грек, род которого восходит к Гераклу. Обращаясь к царю Македонии, подсказывая ему план действий, законы, которые он должен обнародовать, реформы, которые ему надлежит осуществить, Исократ представлял его эллинским народам как нового Агамемнона и спасителя их цивилизации.

Демосфену несколько раз приходилось брить наполовину свою голову. Он мог сколько угодно осыпать Филиппа оскорблениями, обвинять в вероломстве, пороках и клятвопреступлении, но через три года Филипп взял Олинф, так и не увидев афинской армии.

Кстати, он овладел этим городом не силой оружия, а силой золота, подкупив достаточное число сломленных духом защитников Олинфа, которые открыли ему городские ворота.

Он возместил свои расходы, продав большую часть жителей в рабство. Затем в сопровождении войска он отправился на ежегодный праздник в честь Зевса в Дион, расположенный к северу от Олимпа.

Афинянами овладел панический страх, и они поспешили предложить Филиппу заключить договор о мире и дружбе. Как это часто бывает, те, кто предсказывал поражение, и были назначены для ведения переговоров о его последствиях. В состав посольства вошел и Демосфен.

На второй год Сто восьмой олимпиады¹⁸ в Пеллу прибыла делегация из Афин в составе десяти человек, среди них были Ктесифон, Эсхин и Филократ. Филипп организовал им грандиозный прием с застольями, празднествами, декламациями и танцами для того, чтобы доказать афинянам, что он не необразованный и грубый варвар, как они считали. Посланцы были в восторге от радушной встречи, некоторые из них признались, что Филипп самый приятный человек в мире, какого им довелось видеть. Только Демосфен был мрачнее тучи. Весь его вид – глубоко посаженные не улыбочивые глаза, обострившиеся скулы, желтый цвет лица, опущенные уголки губ, скрывающиеся в короткой бороде, глубокие морщины между бровями – свидетельствовал о высокомерном презрении, как будто почести, которые ему оказывали, были

¹⁸ *На второй год Сто восьмой олимпиады...* – В 346 г. до н. э. Александру было 10 лет. Исократ опубликовал свою речь «К Филиппу». Платон умер годом раньше.

для него в высшей степени оскорбительны.

Все время пути до Пеллы Демосфен потратил на подборку аргументации, уточнение претензий и требований к македонянам. Повсюду он заявлял, что на переговорах сумеет заткнуть рот Филиппу, заставит его принести извинения и возместить ущерб. Он был абсолютно уверен в себе, а потому убедил своих спутников выступать в порядке старшинства, что давало ему право, выступая последним, так как ему еще не исполнилось и сорока лет, огласить выводы делегации.

Когда настал черед Демосфена произнести речь, которую с нетерпением ждали, он неожиданно потерял дар слова. Перед лицом царя, которого он так часто задирали и оскорбляли издали, речь его превратилась в невнятное, чуть слышное бормотание, а вскоре он и вовсе умолк. Можно было подумать, что все его усилия стать оратором, когда он набивал рот галькой, старался перекричать шум волн, карабкался на кручи, пропали даром. От страха он начал заикаться пуще прежнего. Сидя в окружении македонских советников, Филипп спокойно, с показным доброжелательством рассматривал его своим единственным глазом. Чем больше иронии читалось на лице царя, тем больше терялся и путался Демосфен. Под рукой у него лежали на записных дощечках подготовленные заметки, однако он так и не сумел воспользоваться ими, потому что, в смятении уронив их на пол, не смог восстановить порядок перепутанных записей. В состоянии сильного душевного потрясения он только и выдавил

из себя, что не может говорить. Филипп ободряющим тоном посоветовал ему не торопиться и начать все сначала. Он сказал, что хорошо понимает Демосфена и считает его замешательство досадной случайностью, которая может произойти со всяким переволнованным человеком.

– Все, что мне рассказывали о тебе, великий Демосфен, – сказал он, – доказывает, что ты способен найти выход и не из таких затруднительных положений.

Аудиенцию все-таки пришлось закончить, потому что Демосфен так и не смог говорить. Все это время я думал о том, что перед нами стоит немой двойник Демосфена.

Оратор откланялся и удалился, переполненный яростью и унижением. Только оказавшись на улице, он обрел дар речи и стал жаловаться, что не может понять, что с ним произошло. Вскоре он убедил себя в том, что его лишили способности говорить, применив колдовство.

На пиршестве, которое было устроено после приема, Демосфен вел себя отвратительно. Ложа установили в зале, расписанном картинами Зевксиса. Присутствовали Олимпиада в одеждах и украшениях царицы, а также любовницы Филиппа: Одата из Линкестиды, прекрасная фессалийка Филемора, дочь фракийского царевича Меда, еще одна фессалийка, Никеса из города Фера, македонянка из семьи Фила, обе сестры которой – Дарда и Махата – тоже удостоились внимания Филиппа.

Бесстыдная демонстрация свиты любовниц еще больше

разозлила Демосфена. Он напился и, несмотря на попытки спутников утихомирить его, самым грубым образом оскорбил хозяина дома и всех присутствующих гостей. Филипп умел показать себя терпеливым, когда это было необходимо. Весь вечер он сохранял хорошее расположение духа и был учтив, в то время как афинянин вел себя как истинный варвар. Демосфен успокоился только после того, как на колени ему посадили танцовщицу.

– Этот человек, – сказал я Филиппу, – стал твоим врагом, еще не зная тебя. Теперь он будет тебя ненавидеть до конца дней своих.

На следующее утро Филипп объявил условия договора. Посланники стояли пораженные, ибо услышанное превзошло все их ожидания. Царь предлагал им не только мир. «Впрочем, я никогда не считал, – говорил он, – что веду с вами войну». Филипп предложил им также заключить оборонительный и наступательный союз, утверждая, что всегда хотел быть другом и союзником Афин.

Послы отправились в обратный путь, чтобы ознакомить с условиями договора своих сограждан. Пока афиняне вели жаркие дискуссии на ассамблеях, у Филиппа было время совершить новый поход, захватив несколько городов. Он вернулся в Пеллу до прибытия в столицу афинских послов для ратификации договора. В этом договоре, одобренном Филократом и Эсхином, Демосфен усматривал личное поражение, но вынужден был скрепить документ своей подписью.

Все македонское по названию или происхождению стало ему ненавистно. Едва увидев Александра, он испытал сильную неприязнь к царевичу только потому, что тот был сыном Филиппа. В необычайной одаренности этого десятилетнего мальчика он усматривал лишь пародию на знание. Александр читал перед посланцами Афин стихи Гомера и вместе со своими сверстниками представил сцену из комедии. В Афинах Демосфен заявил, что Филипп растит из своего сына скомороха. Он говорил, что юный наследник впустую проводит время, рассматривая внутренности принесенных в жертву животных, что ему забивают голову глупыми идеями, что он уже считает себя великим служителем культа, в то время как на самом деле он всего лишь претенциозный дурачок.

Как же ты слеп, Демосфен! Александр сильно задел твое самолюбие, доказав, что в науке богов он знает уже больше, чем ты, Демосфен.

После заключения союза с Афинами Филипп почувствовал, что руки его развязаны, а потому он отправился со своим войском в Фокиду, взял двадцать городов, продвинулся до Фермопил, здесь нанял для охраны этого прохода отряд воинов. Затем, продолжая свой триумфальный, но мирный марш, он прибыл в Дельфы для участия в Большом совете амфикистии, где входящие в него города-государства вручили ему бразды правления.

Македония стала самым крупным из всех греческих госу-

дарств.

XIX

Передача знаний

Священнослужители Египта учат, что бог Фот, сын Гермеса,¹⁹ получив откровение своего отца, первым изобрел числа, счет, геометрию и астрономию, а также придумал игру в триктрак, игру в кости и, наконец, буквы для письма. Он отправился в Фивы в Верхнем Египте показать плоды своих трудов царю-богу Амону-Тхамусу, который правил всем Египтом. Царь-бог расспросил его о пользе каждого из этих изобретений и в зависимости от объяснений Фота то хвалил, то порицал его. Он сделал немало ценных замечаний. Его слова дошли до нас благодаря Фоту и Гермесу.

Когда настал черед показывать царю алфавит, Фот сказал: – Вот, о царь, та наука, которая умножит знания египтян, позволит сохранить и передать их грядущим поколениям. Найдено средство, восполняющее недостаток памяти и отсутствие познаний!

На что царь ответил так:

– О Фот, не имеющий себе равных открыватель наук! Удел одного – способность явить миру новое искусство; удел другого – умение оценить, какой вред или пользу принесет оно

¹⁹ *Священнослужители Египта учат, что бог Фот, сын Гермеса...* – Пересказ отрывка из диалога Платона «Федр».

людям, которые будут им пользоваться! Вот ты сейчас как изобретатель знаков для письма находишь удовольствие в том, что даешь своему сыну способ познания, обратный тому, которым он одарен от природы. Ибо это изобретение, освобождающее людей от необходимости тренировать свою память, порождает забвение и забывчивость в душах людей, которые овладеют искусством письма. Доверившись письму, человек с помощью знаков будет пытаться вне самого себя, а не в себе самом искать способ восстановить что-либо в памяти. Следовательно, ты нашел способ не для совершенствования памяти, а лишь для воскрешения в ней смутного воспоминания. Что касается знаний, то ты своим методом даешь ученикам не реальность познания, а его иллюзию. Когда с твоей помощью им удастся, не пройдя последовательно всех ступеней обучения, накопить множество различных сведений, они будут считать себя сведущими во многих областях знаний, в то время как в действительности в большинстве своем останутся далеки от истины. Кроме того, они не сумеют принести пользу в деле, которому служат, ибо, вместо того чтобы обрести настоящую ученость, они обретут лишь иллюзию учености.

Но люди Греции пренебрегли его мнением. Они захотели воспроизвести в письменах передаваемые из уст в уста знания, для того чтобы иметь больше последователей, чем могли они обучить сами, и прославить в веках свое имя. Они поверили, что каждый человек может получить доступ к зна-

ниям только путем чтения, и забыли, что при передаче знаний учитель является отцом, а ученик – сыном, что каждого сына нужно направлять на пути познания, учитывая его характер и способности ума. Учителей они заменили книгами, и появилось много умственных сирот.

Поэтому с каждым новым поколением таких сирот знания будут угасать, мир будет наполнен искателями ложных знаний. Придет время, и люди будут искренне верить, что книги греков являются источником всеобщих знаний, тогда как они стали началом их оскудения.

XX

Аристотеля – за коня

Александру шел тринадцатый год. Это тот трудный возраст, когда ребенку не терпится стать взрослым. Во многих областях знаний он уже был более образован, чем многие обычные люди, и охотно выступал в роли учителя, как все те, кто только заканчивает свое обучение. Он спорил со всеми, досаждал невеждам, утомлял людей ученых и уже требовал, чтобы его уважали за будущие подвиги, о которых он мечтал. Так часто бывает с детьми, которым уготована великая судьба: они рано начинают ощущать в себе силы, которые по молодости лет еще не могут использовать.

Хотя в присутствии Александра уже не говорили о его божественном происхождении от Зевса, он помнил рассказы матери, слышанные им в раннем детстве. Это еще больше переполняло его чувством собственного превосходства. Поведение Александра раздражало Филиппа, который уже в ту пору довольно плохо ладил с ребенком и навещал его только затем, чтобы в сердцах отчитать мальчика. Царь принимал за тщеславное высокомерие рано появившееся у Александра осознание собственного предназначения и нетерпение жить. Ему доложили, что после каждого сообщения об очередной победе Филиппа ребенок вместо выражения радости начинал возмущенно топтать ногами и кричал:

– Видно, отец собирается захватить все, и мне нечего будет делать!

Филипп думал, что наследник, доставляющий ему столько беспокойства, ничего так сильно не желает, как его скорейшего исчезновения с лица земли.

В одно весеннее утро, когда царь находился в Пелле, к нему пришел купец из Фессалии по имени Филоник и привел с собой большого черного коня редкой красоты и силы, которого называли Буцефалом из-за белого пятна на лбу в форме бычьей головы. Торговец на все лады расхваливал великолепное, еще очень молодое животное с блестящей родословной. Он просил за него тринадцать талантов.²⁰

Лошадь, за которую назначали такую высокую цену, вызвала у всех любопытство. Собрались приближенные Филиппа, чтобы воочию оценить ее достоинства. Подумывая о приобретении лошади для своей конюшни, Филипп вызвал

²⁰ Он просил за него тринадцать талантов. – Сопоставить ценность древних денежных единиц с современными довольно трудно. И не только потому, что с прохождением столетий ценность денег постоянно падала, особенно в том, что касается их покупательной способности. Дело еще в том, что действительная стоимость продуктов питания с античных времен часто менялась, некоторые ранее дорогостоящие товары сейчас стали общедоступны, и наоборот – в зависимости от их редкости, сложности производства, транспортировки и длительности пользования. Например, цены в строительстве никак не могут быть сравнимы из-за разницы в стоимости рабочей силы. Поэтому ориентиры в этом деле очень условны, а прогресс головокружителен. В целом с учетом этих оговорок можно принять талант равным 5000 золотых франков или от 7500 до 10 000 новых франков. Исходя из этого стоимость Буцефала можно оценить в 130 тысяч франков (примерно 25 тысяч долларов).

меня. Он хотел знать мое мнение о том, принесет ли ему радость этот конь.

Все перешли в большой открытый манеж, где объезжали лошадей. Среди присутствовавших был и Александр. Он потянул меня за рукав и сказал вполголоса с завистью во взгляде:

– Какая прекрасная лошадь! Как бы я хотел иметь ее! Я так хочу, чтобы отец купил ее и отдал мне для езды. Ты видел пятно в форме бычьей головы на лбу лошади? Что это означает?

Я взглянул на коня, который вел себя очень беспокойно, и ответил Александру:

– Вспомни, чему я учил тебя, когда объяснял знаки зодиака. Кто идет за временем Тельца и правит Тельцом, когда у того выйдет время?

– Овен, – ответил Александр.

– Тогда ты можешь сам ответить на свой вопрос.

Чтобы оценить коня в движении, Филипп поручил испытать его своим главным конюхам. Но никому из них не удалось справиться с норовом животного – таким ретивым, диким и неукротимым оказался этот конь. Удила были все в пене, конь взвивался на дыбы, грива его развевалась по ветру, отливая золотом на солнце. Он бил копытами, но никому не позволял сесть на себя верхом и управлять собой.

– Какого великолепного коня теряют эти люди из-за того, что им не хватает ловкости и отваги укротить его, – произнес

вдруг Александр.

Царь пожал плечами и ничего не ответил. После того как попытки главных конюхов закончились неудачей, он приказал испытать коня лучшим наездникам из своей свиты, но их ждала та же участь.

Александр снова повторил:

– Какая жалость, клянусь богами! Такая прекрасная лошадь, и не уметь совладать с ней из-за своей неловкости и трусости.

Придворные старались изо всех сил, соперничая друг с другом. Каждый надеялся одержать верх в единоборстве с Буцефалом. Но самые уверенные в своих силах вскоре возвращались несолоно хлебавши, обессиленные, обозленные, все в пыли.

Недовольный Филипп уже укорял Филоника за то, что тот заставляет терять понапрасну время:

– Уводи свою лошадь! Она, конечно, хороша, но и самая красивая в мире лошадь ни к чему, если на ней нельзя ездить.

– Жаль, очень жаль. А все от неловкости и трусости, – повторял свое Александр.

Филиппу надоело это слушать, и он грубо оборвал царевича.

– Прекрати досаждать нам своим брюзжанием. Ты слишком тщеславен! – воскликнул он. – Ты упрекаешь людей, которые старше и опытнее тебя, будто больше смыслишь в об-

ращении с конем.

– Конечно же, – ответил Александр. – Я уверен, что сумею это сделать лучше, чем они.

– Хочешь, значит, попробовать? Давай, мой мальчик, померяйся с ними силой и умением. Но если тебе не удастся сесть на этого коня, сколько ты готов заплатить за свою дерзость? Предоставляю тебе право самому установить заклад.

– Согласен заплатить цену коня, – ответил Александр.

Эти слова тринадцатилетнего мальчика вызвали смех у присутствующих.

– Долго же тебе придется выплачивать мне этот долг, – сказал Филипп.

– Но если я выиграю, конь будет моим?

– Разумеется. Тебе остается только совладать с ним.

Александр подошел к коню, схватил его под уздцы и начал, ласково оглаживая животное, поворачивать его головой к солнцу. Он уже давно заметил, что если конь повернут спиной к солнцу, то он боится собственной тени и тени своего укротителя. А все те, кто пытался объездить коня, ставили его так, что пугающая тень всегда оказывалась перед его глазами.

Разворачивая коня, Александр спокойно разговаривал с ним, и конь как будто отвечал ему, мотая головой и временами всхрапывая от гнева и возмущения, словно жалуясь, что столько грузных мужчин пытались взобраться ему на спину. Александр постепенно натягивал поводья, а потом, видя, что

Буцефал успокоился и дышит полной грудью, мальчик незаметным движением сбросил с себя плащ и, держась одной рукой за повод, а другой – за холку, легким прыжком вскочил на коня. Буцефал вздрогнул, поднялся на дыбы и стал в бешенстве брыкаться, но Александр, при его небольшом весе и сильных ногах, сумел удержаться на коне. Все присутствующие разом замолчали. Внезапно Александр отпустил поводья и, крепко сжимая ногами бока лошади, пустил ее галопом по равнине, дав полную волю и возможность сбросить накопившееся напряжение.

Филипп воскликнул:

– И зачем только я ему разрешил, ведь он убьется!

Всех охватила тревога. А черный конь стремительно мчался, унося вцепившегося в гриву ребенка. Более быстро-го и в то же время более опасного скакуна еще не видели. Наконец люди увидели, что он замедляет бег, но Александр еще понукал коня громкими восклицаниями и подгонял ударами ног. Только после того, как наездник почувствовал, что животное стало совершенно послушным, он спокойно, по всем правилам повернул коня и медленно подъехал к Филиппу. Царевич соскользнул на землю, гордый и ликующий, по лицу его струился пот. Все выражали ему свое восхищение громкими криками.

Из всех человеческих качеств Филипп больше всего ценил физическую силу. С этого момента он больше не сомневался, что Александр его сын. Взволнованный до слез, он

раскрыл объятия, привлек к себе мальчика, поцеловал в лоб и сказал:

– Сын мой, ищи в других краях достойное тебя царство, ибо Македония для тебя будет слишком мала. А пока бери Буцефала, ты его заслужил по праву.

С этого дня его отношение к Александру решительно изменилось. С дотошностью человека, обнаружившего у себя запоздалый интерес к ребенку, он стал беспокоиться о том, хорошо ли учат его сына, исправно ли несут свою службу наставники, каким наукам ребенок еще должен быть обучен, чтобы в будущем он мог достойно нести бремя царской власти. Поскольку Александр сумел справиться с лучшим конем, он решил дать ему лучшего учителя. Филиппа огорчала недавняя смерть Платона, иначе он не пожалел бы еще тринадцати талантов золотом, чтобы пригласить его в учителя к сыну.

У Платона был преемник, которого считали самым блестящим из всех его учеников. Этот человек, кстати, хорошо знал Македонию, ибо провел в ней свою молодость.

Выходец из города Стагира, греческой колонии, стертой с лица земли Филиппом во время недавнего похода, Аристотель принадлежал к роду, бравшему свое начало от Асклепия, в котором искусство врачевания передавалось по наследству. Его отец Никомах долгое время жил в Пелле, где занимал должность врача царя Аминта II, отца Филиппа.

Аристотель и Филипп были товарищами детства, однако

они не виделись последние двадцать лет. Судьбы ровесников разошлись после того, как Филипп был отправлен своей матерью заложником в Фивы. Аристотель же поехал в Афины, где собирался брать уроки у Платона, который в садах Академии просвещал учеников, съезжавшихся со всей Греции, Сицилии и из стран Востока. Среди них Аристотель выделялся своим умом. Он составил несколько «Диалогов», подражая своему учителю, и сам начал преподавать. Гермей, бывший раб, которого он учил, став сувереном Атарнии, что в Мизии, пригласил его к своему двору в качестве первого советника. Гермей был умерщвлен по приказу персидского царя. У него осталась сестра по имени Пифия, которую Аристотель взял в жены.

На какое-то время он остался без покровителя и без места. Однако в свои тридцать восемь лет он был уже признан духовным наследником Платона и женат на дочери царя. Филипп предложил ему дружбу, кров, богатство за обучение и подготовку наследника к выполнению обязанностей правителя. «Я счастлив, – писал он, – что Александр родился в твоё время и может стать твоим учеником».

Вот что предшествовало возвращению в Пеллу этого человека с энциклопедическими знаниями, который был больше уверен в господстве своего ума, нежели некие цари могут полагаться на силу власти в своих империях. Он свысока разговаривал с людьми, при этом смотрел с пренебрежением поверх головы собеседника. У него был небольшой дефект

речи, особенно заметный при произношении свистящих звуков. Он с презрением относился ко всему, ценя лишь собственные мысли. Даже Платон на закате своей жизни с улыбкой жаловался на него:

– Аристотель относится ко мне с пренебрежением, как же ребенок к своей матери.

Убежденный, и совершенно напрасно, что превосходит своей ученостью Платона, Аристотель тем не менее старался во всем походить на него. Впрочем, в их судьбах было что-то схожее. Платон в восемнадцать лет стал брать уроки у Сократа, а Аристотель в том же возрасте познакомился с Платоном. Общества того и другого добивались могущественные цари: Платона приглашали оба царя Дионисия из Сиракуз, а Аристотеля – сначала Гермей, а теперь Филипп. Оба они познали превратности судьбы. Платон подвергся мести Дионисия-старшего и едва избежал рабства, а Аристотелю пришлось бежать из Атарнии после падения Гермея.

Аристотель считал, что нет такой цены, которая будет достаточной платой за обучение науке владеть самим собой тому, кому суждено властвовать над людьми. Первым подарком Филиппа Аристотелю было восстановление Стагиры, города, в котором имел честь родиться философ. Всем изгнанным из города жителям разрешили вернуться, среди возвратившихся находились и родственники Аристотеля. Филипп выкупил и привез в родной город даже жителей, проданных в рабство.

Казалось, что Аристотель и Филипп не смогут поладить друг с другом, настолько отличались между собой борода-тый, пузатый царь и худощавый, хрупкий философ, презиравший физические упражнения. Однако их сближала страсть к кулинарии. Аристотель, будучи гурманом, в выборе блюд проявлял такую же утонченность, как и в выборе нарядов. Кухня его была великолепной, он питал пристрастие к изысканным винам, а после еды любил слушать веселые песни. В такие часы ум его отдыхал.

Аристотель объяснил царю, что, как и Платон, он предпочитает проводить занятия на свежем воздухе, что он не может хорошо учить, если у него всего один ученик, – ему нужна школа. Филипп, собиравшийся в очередной раз на войну, предоставил ему для занятий резиденцию в Миесе, недалеко от Стагиры, и повелел, чтобы вместе с Александром брали уроки молодые люди из самых знатных семей Македонии. В роще, некогда посвященной нимфам, были построены красивые павильоны для учителя, его жены, учеников и их слуг – нечто вроде царской резиденции, где хозяином стал философ. Были разбиты широкие аллеи, а в центре рощи сооружена галерея в виде ротонды, в которой усаживался Аристотель, когда уставал ходить, а вокруг него располагались ученики. Привычка вести урок на ходу, которую Аристотель сохранил и после того, как потом основал свою школу в гимназии в роще при храме Аполлона Ликейского в Афинах, позднее послужила тому, что его школа стала называться пе-

рипатетической, или школой гуляющих.

Среди сверстников Александра, вместе с ним посещавших школу в роще нимф, были кузен из Линкестиды, сын кормилицы Гелланики, его молочный брат Протей, младшие сыновья Пармениона Гектор и Никанор, сын Лага Птолемей, настоящим отцом которого считали Филиппа, и другие молодые аристократы, например Леоннат, ставший потом адъютантом Александра, Гарпал, которому он доверял высокие посты, Марсий из Пеллы, написавший рассказ об их обучении, и прекрасный Гефестион, которому суждено будет сыграть большую роль в жизни завоевателя. Как много будущих царей и полководцев выйдет из группы этих юношей! Какая жизнь, о которой они еще не подозревали, начиналась здесь!

Александр был исключительно одаренным молодым человеком, а знание священного культа сделало его ум восприимчивым к быстрому усвоению всех наук. Аристотелю хватило трех лет, чтобы научить его всему, что нужно знать из области геометрии, географии, права, морали, физики, медицины, истории и философии, для того чтобы, став царем, он был им не просто по должности, но и по уму и мог помериться знаниями с любым человеком, независимо от того, какому бы научному занятию тот ни посвятил себя. В этом вопросе Аристотель разделял взгляды Платона, который говорил: «Позор царям, которые не могут понять врача, философа, геометра, художника, когда они говорят о своих делах, и не в состоянии высказать им свое мнение».

Эту «царскую» науку Александр усвоил за три года в Миезе с той легкостью, которая лишний раз подтверждала его божественное происхождение. Приобретенные познания позволили ему в дальнейшем управлять многими странами на расстоянии, находясь в далеких походах.

Метод Аристотеля был хорош тем, что философ обучал, учитывая характер и умственные способности учеников. Один усваивал его урок, запоминая особый ход мыслей Аристотеля при изложении материала, другой – иным путем. Но всем своим ученикам он хотел дать знания, которые будут необходимы им в жизни. В качестве тем для размышления он предлагал своим ученикам сюжеты из Гомера, герои поэм которого часто служили примерами в его речах. Александр, знавший «Илиаду» благодаря Лисимаху почти наизусть, понимал своего учителя без труда. Как учитель Аристотель ничего не мог дать царственному ученику в области метафизики и умозрительных дисциплин. Там, где философу приходилось прибегать к пространным рассуждениям и выстраивать сложные логические цепочки, чтобы раскрыть трудное понятие и дать ему толкование, Александр благодаря божественному складу ума на лету схватывал его сущность и раньше учителя мог дать исчерпывающее объяснение.

Нравственное учение Аристотеля основывалось на утверждении чувства любви к ближнему и признании необходимости поддерживать в каждом мужчине чувство дружеского расположения и участия к другому мужчине. В этом он

следовал заветам Платона, который пренебрегал обществом женщин и старательно избегал его. Хотя Аристотель был мужем и отцом семейства, он не находил в супружеской жизни той атмосферы, которая в достаточной степени благоприятствует расцвету чувств. Он любил общество молодых людей и справедливо уверял, что нельзя хорошо учить, если не испытываешь хотя бы малой толики любви к своим ученикам. Он заставлял своих воспитанников выбирать себе для ведения беседы, которая была обязательной формой обучения, напарника, нечто вроде двойника или своего зеркального отражения.

Ум не может, по-видимому, полностью раскрыться, если тело, служащее его обителью, не участвует в процессе духовного развития. У всего, что заложено богом в человека, есть два облика: общий и высший, явный и тайный. Один из видов любви, явный и вульгарный, – это плотская любовь, назначение которой – воспроизведение на свет себе подобных. Высший и тайный смысл любви заключается в стремлении возвеличить дух человека, вознестись к вершинам познания. Этих высот невозможно достичь другим путем.

Среди сверстников в роще нимф предметом своей юношеской любви Александр избрал прекрасного Гефестиона, мальчика с черными миндалевидными глазами, темными кудрями, с совершенными чертами лица. Он был выше Александра ростом, идеально сложен. Любви не бывает без предмета обожания. По складу ума Гефестион ничем не вы-

делялся среди сверстников, поэтому Александр чувствовал над ним свое превосходство. Чтобы любовь приносила удовлетворение, должно быть сознание своего господства над любимым человеком. Сначала молодые люди, которых влекло друг к другу, шутя называли себя Ахилл и Патрокл. Они много времени проводили вместе, и незаметно дружеские симпатии переросли в трогательную нежность. Теперь они всюду ходили, взявшись за руки или обняв друг друга. Им нравилось бежать вместе, на одном дыхании, вместе проводить время в размышлениях, думая об одном, делиться своими мечтами. С каждым днем они все больше убеждались в том, что созданы друг для друга. Друзья решили никогда не расставаться и скрепили свой союз тайными клятвами. Удивительно, но они сдержали клятвы, и мечты их детства исполнились. Красавец Гефестион всегда будет рядом с Александром как его яркая тень.

Личность Аристотеля противоречива, и потому о нем судят по-разному. Можно не любить его за высокомерие, за его манеру говорить о всех вещах и науках, как если бы он сам был их создателем, можно упрекать его в чрезмерной заботе о своем благополучии. Так, например, он без ложной скромности спрашивал своих учеников, как они отблагодарят его, когда войдут во владение наследством своих отцов. Один из воспитанников ответил:

– Я сделаю так, учитель, чтобы все оказывали тебе уважение и почести.

А другой сказал:

– Я возьму тебя к себе главным советником.

Александр хранил молчание. Когда же его стали настойчиво просить высказаться, он ответил:

– Как ты можешь задавать мне такой вопрос, учитель, и откуда мне знать, что готовит будущее? Подожди, пока стану царем, и тогда увидишь, что я для тебя сделаю.

Если не считать некоторых недостатков, которые вредили только ему самому, Аристотель из всех воспитателей был единственным наставником, который мог дать необходимые знания Александру. Его имя заслуживает доброй памяти, ибо он написал труды, где обобщил все греческие науки, воспитал будущего царя, который будет сеять семена этих наук, неутомимо шагая по всему миру.

К шестнадцати годам Александр Македонский стал прекрасным юношей среднего роста, с широкой грудью и хорошо развитой мускулатурой. У него была светлая, молочно-розоватая на подбородке и животе. Голову в ореоле золотисто-рыжих волос он держал слегка склоненной к левому плечу, и эта привычка останется у него навсегда. Взгляд глаз разного цвета (один голубой, другой карий) был всегда испытующе устремлен в небо и на людей. От тела его исходил нежный аромат, не поддающийся определению и сравнимый с запахом букета цветов, ведь богу свойственно издавать приятный аромат. Служителям культа довольно хорошо известно таинство сообщения ткани или предмету

запаха розы, ароматической смолы или жасмина, но чтобы пропитать благоуханием тело живого человека, нужно искусство магии.

Александр в совершенстве был обучен искусству красноречия, но в отличие от Филиппа он никогда не слыл красноречивым. Голосу его была присуща особо волнующая глубокая вибрация. В состоянии гнева или окрыленный надеждой он мог произнести замечательную и яркую речь. Обычно Александр ходил быстрым шагом, как в детстве его научил Леонид. Этому темпу марша он позднее обучит свое войско. Он прекрасно держался в седле, великолепно метал копье и хорошо владел всеми видами оружия. В шестнадцать лет он отличался силой и выносливостью спартанца, культурой афинянина, знаниями египетского жреца и честолюбием варвара. Он вызывал всеобщее восхищение, и при виде его трудно было не поверить, что он сын бога.

Однажды в Миезу прибыл посланец с берегов Геллеспонта. Царь Филипп просил Александра приехать в его лагерь у города Перинф, который он осаждал. По пути в Перинф Александр остановился в Пелле – взять себе сопровождающих, повидаться с матерью и вместе со мной принести жертвоприношения богам. После этого он отправился воевать в сторону восходящего солнца.

Часть вторая

I

Пророчество фараона

В то время как Александр завершал свое обучение у Аристотеля, в то время как на берегах Геллеспонта Филипп Македонский стремился овладеть последними из греческих колоний, персидский царь Артаксеркс III Охос направил свои войска в земли Египта, захватил дельту Нила, которая в течение тысячелетий служила светочем знаний для всего мира, а также священный город Мемфис, где надругался над святынями в храмах Амона. Фараон Нектанебо II, в родословной которого насчитывалось триста пятьдесят царей, бежал по священной реке в Центральную Эфиопию, где след его затерялся навсегда.

Прошло некоторое время после этих событий, и первый прорицатель Амона сделал предсказание: «Фараона нет, но он вернется на землю Египта не в образе старца, а в обличье молодого человека в расцвете сил и изгонит с нашей земли захватчиков-персов».

Об этом уже говорили и знали в храмах в ту пору, когда Александр покинул Миезу. Северное солнце выходило из-за

облаков.

II

От Перинфа до регентства

По прибытии в Перинф Александр нашел Филиппа сильно изменившимся и постаревшим. Во время последних походов царь был дважды ранен. Первый раз ему раздробило левую лопатку, во второй пострадала левая рука. Из-за полученных увечий Филипп очень плохо владел ею.

Он пил больше, чем прежде, и сильно отяжелел. Характер его окончательно испортился, Филипп стал нетерпелив и резок. Вот уже несколько месяцев, как он безрезультатно топтался перед крепостью, занимающей выгодное положение на холме. За это время он сумел овладеть только внешними укреплениями, но ему никак не удавалось отрезать осажденных от моря. Персы снабжали население продовольствием, а греки поставляли подкрепление.

Филипп внимательно осмотрел своим единственным глазом прибывшего молодого человека. Он не потруился объяснить причину вызова сына в лагерь, лишь распорядился отвести ему шатер рядом со своим. Он не наделил Александра никакими командными полномочиями.

— Будешь подле меня, — сказал он ему.

И для Александра началась лагерная жизнь в окружении жестоких, распутных военачальников, привыкших ко вседозволенности победителей. Ночи бездействия вояки обыч-

но проводили в оргиях. Для удовлетворения своих прихотей они не довольствовались захваченными в плен женщинами и услугами проституток и занимались развратом с младшими командирами, воинами и рабами. Гомосексуализм процветал в этом войске, обученном на фиванский лад. Образцом героизма у них считался священный отряд фиванцев, где солдаты жили парами – как любовник с любовницей или как муж с женой, поклявшись умереть вместе.

Некоторые военачальники из свиты Филиппа старались во всем подражать фиванцам. Они пользовались благовонениями, носили одежды из дорогих тканей, украшали грудь и волосатые руки драгоценностями, холили свои бороды, как женщины волосы, не смущаясь, ходили обнявшись у всех на виду. Людей несведущих вид этой когорты сбивал с толку – столь комично они выглядели. Однако такой странный образ жизни не снижал боевых качеств этих воинов. Александр, недавно слушавший возвышенные речи Аристотеля, представлял себе любовь как целомудренную нежность, которую он испытывал к Гефестиону. Его сильно потрясли нравы, господствовавшие в войске. Попойки, на которых он вынужден был присутствовать каждый вечер, не вызывали у него желания самому предаться разгулу, а, напротив, подобное времяпрепровождение вызывало у юноши резкое осуждение и отвращение. Отвергая предложения обнаженных бесстыдных куртизанок и предприимчивых молодых командиров, он с нетерпением ждал, пока вино затмит разум гуляющих, и

незаметно уходил в свой шатер, где погружался в чтение Гомера, мечтая об Ахилле и Патрокле, Ахилле и Брисеиде²¹. Филипп, наблюдая, как Александр молча, с осуждающим видом покидает сборище, пожимал плечами и говорил:

– Клянусь богами, он слишком скучен, этот юноша! Что мне делать с еще одним Антипом в моем войске?

У стен Перинфа часто шли бои: то осажденные совершали очередную вылазку, то македоняне вновь испытывали силу сопротивления противника. Через несколько дней после приезда в лагерь Александру довелось впервые участвовать в бою. Это была всего лишь очередная стычка, но для юноши она приобрела значение крупного сражения. Он храбро бился рядом с отцом, желая показать ветеранам свою силу и доблесть. Пусть начальники посмеиваются над его нежеланием участвовать в грубых развлечениях, он им докажет, что в искусстве владения оружием в бою он ни в чем не уступает бывалым мужам.

Из-за завалов, образованных разрушенными сооружениями, нельзя было использовать конницу, и воины вели бой в пешем строю, сражаясь копьем и мечом. Александр решительно бросался на врага. Его сила, смелость, ловкость, неукротимое стремление наносить удары и убивать вызывали всеобщее восхищение. Казалось, что у него десять рук. Когда после боя царевича спросили, что он чувствовал,

²¹ *Брисеида* – рабыня, возлюбленная Ахилла. Ссора между Ахиллом и Агамемноном из-за Брисеиды описана в «Илиаде» Гомера.

Александр ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.